

СЕРГЕЙ САМАРОВ

СЛЕД СОКОЛА
книга третья
том первый
НОВЫЙ ГРАД
ВЕЛИКИЙ

След Сокола

Сергей Самаров

**След Сокола. Книга третья. Том
первый. Новый град великий**

«Автор»

2017

Самаров С. В.

След Сокола. Книга третья. Том первый. Новый град великий / С. В. Самаров — «Автор», 2017 — (След Сокола)

«...На дороге идущей со стороны Ильмень-моря и с приморского лесистого берега былолюдно и шумно. Где-то в лесу ржали лошади, хотя лошадей здесь было мало, в основном верховые. Здесь трудилось больше лосей. Лося же тягали волоком длинные сосновые стволы, лишенные ветвей. Стволы выволакивали из леса, но тянули не сразу в город. Вернее, не в то, что от города осталось. Бревна складировали на берегу Волхова, хотя часть перетаскивали и через реку по льду, чтобы сложить на другом берегу. И там, в местах складирования, сосновые стволы сразу попадали в руки людей с топорами, которые без задержки начинали стволы ошкуривать. Людей и с топорами, и без них было много. Казалось, каждый желает приложить свои силы для общего дела. Но еще больше людей было на пепелище. Там расчищали площадки под сгоревшими домами, рыли углубления для землянок. Работали и мужчины, и женщины, и даже дети, что были в состоянии оказаться полезными. Там, где земля была глинистой, там ее не выносили, но собирали в большие кучи или просто в ямы. Глина должна была понадобиться, когда начнут делать в землянках „черные печи“. Обычно славяне строили из досок опалубку, потом месили глину до состояния густой сметаны, заливали в опалубку, и ждали, когда глина высохнет. После этого можно было внешнюю опалубку снимать. А нижняя, внутренняя, потом сама сгорала в печи. Метод старый, и удобный, малохлопотливый. Воевода Первонег, сопровождаемый двумя воями, одним из которых был черноусый Белоус, не бросивший раненого воеводу во время захвата варягами Славена, проехался по берегу, часто поглядывая на солнце, которое едва просматривалось сквозь облака. Проверил, как работают люди, потом по городскому пепелищу медленно проехал до моста через Волхов, не давая никаких советов людям, копающим ямы под землянки, никого не подгоняя. Первонег чувствовал прохладное отношение словен к себе. Многие считали, что он ответственен за то, что город сожжен, что они лишились своего имущества, что многие вои городской дружины сложили головы,

защищая свои и соседские дома. Да и сам воевода порой винил одного себя, поддавшегося на простую хитрость воеводы бьярминских варягов Славера...»

© Самаров С. В., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Пролог	7
Глава первая	23
Глава вторая	32
Глава третья	40
Глава четвертая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сергей Самаров
След Сокола. Новый град великий
786 год
Книга третья
Роман

© Самаров Сергей Васильевич, 2016 год

Пролог

Со дня пожара в Славене прошло уже полторы седмицы¹. И город показывал, что он не умер совсем, но постепенно, хотя и заметно торопливо, поскольку подгоняли подступившие морозы, возвращался к жизни.

На дороге идущей со стороны Ильмень-моря и с приморского лесистого берега былолюдно и шумно. Где-то в лесу ржали лошади, хотя лошадей здесь было мало, в основном верховые. Здесь трудилось больше лосей. Лося же тягали волоком длинные сосновые стволы, лишенные ветвей. Стволы выволакивали из леса, но тянули не сразу в город. Вернее, не в то, что от города осталось. Бревна складировали на берегу Волхова, хотя часть перетаскивали и через реку по льду, чтобы сложить на другом берегу. И там, в местах складирования, сосновые стволы сразу попадали в руки людей с топорами, которые без задержки начинали стволы ошкуривать. Людей и с топорами, и без них было много. Казалось, каждый желает приложить свои силы для общего дела. Но еще больше людей было на пепелище. Там расчищали площадки под сгоревшими домами, рыли углубления для землянок. Работали и мужчины, и женщины, и даже дети, что были в состоянии оказаться полезными. Там, где земля была глинистой, там ее не выносили, но собирали в большие кучи или просто в ямы. Глина должна была понадобиться, когда начнут делать в землянках «черные печи». Обычно славяне строили из досок опалубку, потом месили глину до состояния густой сметаны, заливали в опалубку, и ждали, когда глина высохнет. После этого можно было внешнюю опалубку снимать. А нижняя, внутренняя, потом сама сгорала в печи. Метод старей, и удобный, малохлопотливый.

Воевода Первонег, сопровождаемый двумя воями, одним из которых был черноусый Белоус, не бросивший раненого воеводу во время захвата варягами Славена, проехался по берегу, часто поглядывая на солнце, которое едва просматривалось сквозь облака. Проверил, как работают люди, потом по городскому пепелищу медленно проехал до моста через Волхов, не давая никаких советов людям, копающим ямы под землянки, никого не подгоняя. Первонег чувствовал прохладное отношение словен к себе. Многие считали, что он ответственен за то, что город сожжен, что они лишились своего имущества, что многие вои городской дружины сложили головы, защищая свои и соседские дома. Да и сам воевода порой винил одного себя, подавшегося на простую хитрость воеводы бьярминских варягов Славера.

Во время пожара уже было загоревшийся мост, соединяющий Словенский конец² с Людиным концом³ успели разобрать, и на другой берег со стены на стену пламя не перебросилось. Сейчас мост снова собрали, даже подремонтировали, сменив подгоревшие бревна на свежие и более крепкие, и Первонег смело добрался до ворот мостовой башни Людинова конца. Здесь, в этой части города, во время захвата Славена, стоял личный полк Первонег. И, в отсутствие воеводы, вои без команды разобрали мост и закрыли ворота, не пустив в эту часть города варягов. Правда, варяги стреляли горящими стрелами, пытаясь и Людинов конец поджечь, но местные жители видели, что с остальным городом стало, и потому дворы свои берегли, и огонь быстро сбивали.

---

¹ Поладеница – название недели в древнеславянском календаре. Неделя считалась богиней. Состояла из девяти дней. Они несли числовую форму, и назывались: Понедельникъ, Вторникъ, Трительникъ, Четверикъ, Пятница, Шестица, Седьмица, Осьмица, Неделя. Славянский месяц состоял из сорока дней. Славянские сутки состояли из шестнадцати часов.

² Словенский конец – основная, самая старая и самая густонаселенная в древности правобережная часть Славена, впоследствии в Новгороде называемая Торговой стороной.

³ Людин конец – заречная, левобережная часть Славена, в Новгороде с принятием христианства называемая Софийской стороной, поскольку именно там был построен храм Св. Софии и новгородский кремль.

Сейчас полк воеводы продолжал стоять на охране города, хотя бы его уцелевшей части. И там, уже на выезде из башни, когда Первонег поздоровался с воями охраны, к нему прискакал гонец, бросивший только несколько фраз:

– Едут... Вот-вот к воротам приблизятся. Пока остановились, подступы к стенам осматривают. Сейчас дальше двинутся.

Воевода вздохнул, и ударил своего сильного коня пятками. Конь пошел ходко напрямиком к внешним городским воротам. Первый гонец от княжича Гостомысла, с предупреждением о прибытии, прискакал еще вечером. И высказал много странных для Первонега новостей. Оказалось, что Гостомысл не только сам возвращается вместе с теми двумя сотнями, что брал с собой – сотню простых воев своего бьярминского полка и сотню стрельцов покойного княжича Вадимира – но еще ведет с собой часть целого народа вагров вместе с их немолодым князем Бравлином Вторым. Что значит «часть целого народа» Первонег понять не мог, как не понимал, почему с этим народом в земли словен приходит князь Бравлин. Гонец сумел только сказать, что в Вагрии идет большая война с франками, и больше объяснить ничего не сумел. Просто не знал.

– Гостомысл сам все расскажет.

Дождаясь рассказа княжича Гостомысла, который должен стать князем восстановленного Славена, Первонег все равно не понимал, как князь может покинуть свое княжество, когда там идет война. И потому думал, что гонец что-то напутал, как и с «частью целого народа». И потому торопился навстречу Гостомыслу, желая прояснить ситуацию.

Разговора о судьбе Славена Первонег не боялся. Все-таки, разговаривать с умным и вдумчивым Гостомыслом – это совсем не то, что разговаривать с его покойным отцом Буривоем, который, даже не выслушав до конца, мог бы и убить, не желая разбираться. Остался старшим в городе, должен был его защитить... Здесь логика Буривая могла бы быть единственной, и даже понятной, может быть, даже одобренной большинством словен. Гостомысл, в отличие от отца, выслушает до конца, подумает, и сумеет сделать правильные выводы. Он никогда не делает необдуманных поступков, и служить такому человеку проще. А еще послужить Первонег сам желал. Он желал исправить то, что допустил, чтобы к моменту, когда его большое тяжелое тело понесут на погребальный костер, его душу не мучили мысли о собственной вине перед соплеменниками. Он не был уверен, что при путешествии к погребальному костру мысли не покидают тела человека. Разное люди говорили. Но сам воевода вину, существующую или надуманную, осознавал, и хотел ее искупить. Жалко было только, что возраст у него уже преклонный, и сделать многое он уже не успеет. И силы былые подходили к концу.

Гонец Гостомысла пристроился позади двух воев сопровождения городского воеводы. И обгонять Первонега не собирался. Но Людин конец был сравнительно небольшим, вытянутым вдоль Волхова, и пересечь его в узкой части, чтобы добраться до внешних городских ворот, можно было быстро. Еще на подъезде Первонег увидел некоторую суету, и построение воев своего полка для торжественной встречи княжича, как и полагалось. Вообще-то так полагалось встречать князя, а Гостомысл князем официально еще не стал. Требовалось собрать посадский совет, который вручит Гостомыслу меч и щит его отца, доставленные из Карелы. Сам княжич знал, что это не тот меч, с которым Буривой ходил в бой. Этот, что вручается посадским советом, слишком легкий для тяжелой руки. И щит совсем не тот, что способен в сечу защитить от вражеского оружия. Это оружие, что вручается, просто красивое, изузоренное, и является не больше, чем символом. Но символ этот дает человеку официальную княжескую власть. Официально считается, что дает только на десять лет, хотя Гостомысл не помнил случая, чтобы отец или дед Владимир Старый⁴ получали эти символы несколько раз. Получив раз, они уже не отдавали их назад, в посадский совет. И Буривая никакой совет не выбирал, ему меч и щит

---

⁴ Владимир Старый – князь Славена, отец Буривой.

передал перед кончиной сам Владимир Старый. Но сейчас случай особый. Это и сам Гостомысл понимал, и воевода Первонег тоже. Именно Первонег распорядился, чтобы воевода Военег доставил меч и щит в сожженный город. Здание посадского совета восстанавливали одновременно с тем, как строили землянки для горожан, и еще не успели восстановить. И советники где-то у себя держали символы власти города.

Сам Первонег видел и меч, и щит, когда их привезли. Причем, привезли в санях жены погибшего княжича Вадимира, которая вернулась в Славен из крепости, чтобы здесь родить сына, хотя жить ей в Славене было негде. Но нашлись добрые люди, приютили княжну в ее положении в совсем не пострадавшем доме Людиного конца, где Велибора на следующий же день по возвращению благополучно родила сына, которого назвали, как отец и хотел, Вадимом. Сразу по приезду, еще до того, как в Людин конец отправиться, Военег с Велиборой встретили посадские советники. Княжна двумя руками вцепилась в символы княжеской власти, словно не желала их отдавать. Воеводе Военегу применять силу не пришлось. Он просто строго посмотрел на Велибору, прошептал что-то, и она сразу разжала руки. Символы унесли, и куда-то спрятали. Наверное, в доме кого-то из советников, что жили в Людином конце, и чьи дома не пострадали. Таких тоже немало было, хотя городской посадник боярин Лебедян жил на другой стороне, и сгорел в огне, защищая свой дом от варягов.

Первонег удивляла жена Гостомысла Прилюда. Молодая и, казалось бы, опыта жизни не имеющая, в отсутствии мужа она, внешне мягкая и слабосильная женщина, взяла на себя заботу обо всем княжеском семействе, и не только. Она даже Первонегом командовала. Она организовала людей на работу, пока не подступили к пожарищу самые сильные холода, заставляла всех торопиться, и именно по приказу Прилюды даже вои большей частью сменили боевые мечи и копья на плотницкие острые топоры, и тоже занялись работой. Правда, только те, кого отпускал воевода. Здесь Прилюда командовать не бралась. Она так и сказала Первонегу:

– Отпускай, батюшка, тех, кто на службе не занят. Да тебе, чаю, лучше меня знать, сколько ты отпустить сможешь...

Такое обращение княжны подкупило Первонегу, и он готов был с плеткой наброситься на любого, кто нерадиво приказания Прилюды выполнял.

Землянки росли быстро. А по утрам над городком землянок уже вставали прямолинейные, ввысь уходящие печные дымы – многие не любили топить землянки «по-черному», и строили печи с трубами. Это значило, что Славен выжил, и торопится излечиться от своего тяжкого недуга, не отчаялся...

* * *

Первонег по построению воев у воротной площади догадался, что колонна Гостомысла уже на виду. Взбираться на привратную башню, чтобы посмотреть издали, он не стал, и сразу направил коня за ворота. Бревна под копытами коня гулко стучали, и стук этот отдавался в голове воеводы болью. Он так и не долечился до конца у волхва Велибуда, приставленного к нему бярминским воеводой Варягов Славеном, а сейчас, перед встречей с Гостомыслом, волновался, и потому голова начала болеть. Первонег уже замечал за собой, что голова болит, когда он поволнуется. Начнет, например, вспоминать, как погиб Славен, и потом целый день ходит хмурый, и с трудом шевелится, потому что каждое движение придает голове болезненные ощущения.

Волхв Велибуд говорил, чтобы воевода приезжал к нему, если боли будут доносить, а приготовленные им снадобья кончатся. Они давно уже закончились, но ехать в Русу, к варягам, которые Славен сожгли, Первонег не хотел. Иногда он думал, вспоминал, и сам себя понять не мог. Да, он сердился на русов-варягов за сожженный город. Но почему-то не сердился на того, кто все это организовал – на воеводу Славера. Может быть, потому, что Славен уехал, как

говорили, возможно, навсегда, уехал к своему воспитаннику князю Войномиру, получившему должность при дворе своего дяди князя бодричей Годослава. Может быть, потому, что воевода варягов проявил о Первонеге такую заботу, и помог ему на ноги встать, и на коня снова сесть.

За воротами открывался вид на окрестности. По дороге, занимая ее полностью, далеко за горизонт тянулась колонна. Первонег от вида такой большой колонны даже растерялся. Людей прибывало несравненно больше, чем до этого проживало в сгоревшем Славене. Да, пожалуй, если из Бьярмии все полки к столице княжества подтянуть, столько здесь все равно не набралось бы. Или стало бы примерно столько же. Причем, опытный взгляд воина сразу разобрал, что в промежутках между гражданскими обозами передвигаются воинские полки. Воевода не понимал, как можно уводить полки, когда твое княжество ведет тяжелую войну с сильным противником. Но это была не его забота. Однако, предположить что-то для себя Первонег мог. И он предположил, что вагры полностью разбиты королевством франков, и бежали со своих привычных многовековых мест обитания. И началось грандиозное по своим масштабам переселение целого народа. Но это, возможно, означало, что за ваграми может идти и жестокое преследование со стороны жадных до добычи франков. И преследование это может подойти к Славену, не имеющему сейчас полноценных укреплений. Только единственный Людин конец сохранил стены и дома, и был способен к обороне, если, конечно, осада не будет чрезвычайно длинной или если противник не применит осадные стенобитные орудия, стоять против которых городские стены не могут. Но Людин конец не в состоянии и вместить такое количество переселенцев. Этот вопрос так прочно осел в голове, что требовал немедленного разрешения. И воевода ударил коня пятками. Конь рванул с места навстречу колонне, а сам Первонег поморщился от боли в голове...

* * *

Воевода Русы Блажен своему имени всегда соответствовал. Он никогда, даже в молодости, не отличался воинственностью, обладая даже некоторой, как говорили, блаженностью, и воеводой стал только потому, что воеводой города был когда-то его отец, Столпосвет, друг и соратник старого князя Здравеня, отца нынешнего, тоже уже старого князя Русы, и тоже Здравеня.

Блажен всегда предпочитал любое дело разрешать миром, иногда даже соглашаясь принять на себя несуществующую в действительности вину, лишь бы дело уладить. Это было бы хорошим качеством для простого человека, может быть, и для торговца, но не для городского воеводы. Тем более, в городе, где всегда считалось почетным носить меч и щит, где воинское умение ценилось наравне с умением добывать богатство торговыми делами, если даже не больше. А все потому что всем горожанам заниматься торговлей было невозможно, просто не хватало на всех соляных источников, которые и стали главным средством жизни для населения Русы, и потому варяги нашли себе другое ремесло – воинское. Часть из них уходило служить в городские и княжеские дружины, часть нанималась на охрану торговых караванов и обозов, что развозили соль по разным концам населенных славянами земель, и даже дальше, в земли чужие, где своей соли не было, и где она стояла достойно. Незначительная часть вообще уезжала в дальние земли, служить в наемных дружинах владетелей чужих земель. Так, например, существовала целая варяжская гвардия у византийского императора. И потому воинский труд считался у варягов почетным. И было в Русе множество недовольных мягкотелостью и нерешительностью воеводы Блажена, его неумением водить в поход полки. Потому совсем недавно и окрылялся молодой князь Войномир, сын некогда такого же воителя, но лишённого от природы властных амбиций, князя Браниволка. Но вот Войномир, согласно точным вестям, осел уже в дальних землях, где у него будет много возможностей показать силу своего мечного и копейного удара. И казалось уже Блажену, что теперь, когда и Славен был сожжен, и воевода

Войномира Славен отбыл к своему воспитаннику, забрав с собой самых отъявленных и не признающих чужой заслуженной чести воителей, когда у словен не стало жадного и ненасытного до войны князя Буривова, все должно бы потечь спокойно и благообразно. Воевода Блажен уже надеялся на спокойную старость, которая плавным ходом носилок занесет его со временем на погребальный костер, а тут новая напасть...

Из дальних охранных крепостей прискакали гонцы.

Краснощекий гигант не слез, а спрыгнул с коня под окнами воеводы легко, как кузнечик, чего трудно было ожидать при его объемной тяжеловесной фигуре, и остановился у крыльца, сказав что-то дворовому человеку. Двое других, внешне ничем не примечательные вои, передали поводья коней дворовым людям, и тоже пошли к крыльцу, вслед за великаном. Блажен наблюдал все это в окно, расположенное недалеко от печки, и потому не затянутое, как другие окна, морозным узором. И видел, как легко вздохнула лошадь, когда спрыгнул с нее гигант. Блажен понял, что это к нему гонец. И потому поспешил. Перепоясался мечом в ножнах. На стол положил свой круглый красный щит⁵, и сам сел рядом, водрузив на голову боевой шлем. На столе перед воеводой лежало несколько берестяных свитков. Впечатление должно было сложиться такое, что воевода напряженно работал над чем-то. Он стал ждать. После стука в дверь и разрешения, в горницу вошел дворовый человек, снял шапку, поклонился, и доложил:

– Гонец к тебе, воевода, стало быть... С донесением...

– Кто такой? Откуда? – строго и важно спросил воевода, слыша за дверью перешагивания.

Гонец был уже там, и ждал только приглашения.

– С закатных крепостей сотник Жихарь. Так назвался...

– Это великан что ли такой? – воевода сделал вид, что припоминает какого-то сотника Жихаря, хотя никогда слухом о нем не слыхивал. – Громадный, как печь...

Сотники, как и десятники, как и простые вои, любят, когда их помнят по имени их начальники. Такое всегда льстит простому человеку. А сотник, по сути своей, простой человек, который может быть, и станет когда-нибудь тысяцким, может, и не станет. Но вот воеводами становятся только единицы. И то, что тебя знает воевода, да еще и не какой-нибудь походный или княжеский, а воевода города, значит, старший над всеми воеводами русов, льстит человеку, словно поднимает его, и заставляет испытывать чувство благодарности. Даже если эта благодарность необоснованна ничем, и ничем больше не подпитывается. Иногда вовремя сказанное слово похвалы сделает из человека твоего верного приспешника, который горой за тебя встанет даже при смерти.

Шаги за дверью стихли. Гонец, должно быть, понял, что речь о нем, и стал прислушиваться, остановился.

– Шибко громадный, воевода. Не на каждой телеге такого объедешь... – дворовый человек тоже был, похоже, не чужд человеческим чувствам, понимал, что сотник его слышит, и всем своим голосом выражал восторг.

– Зови... – распорядился Блажен, и сурово свел брови, склонив в раздумье голову над столешницей. Сделал вид, что читает развернутый берестяной свиток.

Дворовый человек вышел, оставив дверь распахнутой. Что-то сказал шепотом в сенях. И тут же послышались шаги вошедших. Блажен голову не поднял, но по шагам определил, что вошло трое. Все правильно, трое их и прискакало.

---

⁵ Красная окраска щитов считалась у русов почти государственной геральдикой. Русов так и звали – «красные щиты». Это название несколько раз фигурирует в литературных трудах византийских императоров, в трудах средневекового немецкого монаха-хрониста Гельмольда из Босау, автора знаменитых «Славянских хроник», в арабских и армянских рукописях. Хотя повсеместно русы стали красить свои щиты позднее, и это отличало их в бою. Позже, вслед за русами так же выделять свои щиты цветом стали славяне других восточных племен. К западных славян так красили щиты только лютичи, которых франки прозвали «красными щитами», о чем многократно упоминает в своих хрониках личный секретарь Карла Каролинга Эйнхард, свидетель войн франков с лютичами.

Вошедшие ждали, когда на них обратят внимания. Потом кто-то кашлянул. Причем, так, словно крикнул в колодец. В горнице звон встал. Блажен поднял глаза, и посмотрел на гонцов озабоченно, словно они оторвали его от решения важных вопросов.

Гигант-сотник шагнул вперед. Один его шаг равнялся трем шагам обычного человека.

– Сотник Жихарь! – представился тяжелым баском.

– Эй, кто там... – позвал воевода в дверь.

Вошел давешний дворовый человек.

– Меду гонцам! Горло с дороги промочить... Баклажки поболе... Не жалея для хороших людей! Слушаю тебя, Жихарь...

Дворовый человек вышел, а Жихарь снова прокашлялся. Видно, горло у него во время скачки морозным ветром все же просквозило. Тем не менее, гонец начал:

– Я со своей сотней в большой крепостице Солончаковский луг стою.

– Далековато это. Сколько скакал?

– Долго, княже. Непростительно долго. Но я такой тяжелый, что лошади меня плохо держат. Начал быстро. Потом мной мой боевой конь ногу на льду сломал. Потом еще двух лошадей загнал. Не мог никак по дороге подходящего коня подобрать. Только в последней крепостице нашелся такой, что меня держал уверенно. Там и позаимствовал с возвратом.

– Все равно... Дальний путь преодолел.

– Да, мы стоим почти на границе с латгалами⁶ и псковскими кривичами. Там три княжества сходятся углами. Кривичи рядом с нами небольшую крепостицу держат. Четверть дневного пробега лошади от нас⁷. Они наемни нам и подали сигнал. Нам и словенам. Словенская крепостица чуть дальше, по другую сторону...

– Какой сигнал?

– Какой крепостицы подают, воевода? Сигнал всегда один. Костер на вышке жгут. И бочонок с земляной смолой⁸ в костер. Издали заметно. Даже на ночном небе черный дым заметно. Сигнал-то они, понятно, своим крепостицам передавали, но и нам видно. Мы так с ними и договаривались, чтобы друг друга поддерживать. А потом гонец от них прискакал. Большая колонна на дороге. И непонятно было, кто такие. Зимой-то обычно больших колонн не бывает...

– Латгалы?

– Нет. Слишком организованно шли. Латгалы толпой едут, строя не знают – дикари.

– Хозары, может? Они давно на земли и города кривичей зарятся.

– Тоже нет. Хозары в зимние походы вообще не ходят. Кривичи их в своих землях весной ждут. Да и хозары заметны, их знают. У них, в основном, конница. А здесь и конница, и пехота, и даже простые не военные обозы. Растянулись на четверть дневного перехода. Словно переселяется кто. На два города, говорят, народа наберется.

Воевода не понял сообщения. А непонятное всегда вселяет беспокойство.

– Кто же это?

– Да кто ж их разберет. По шлемам на славян похожи, а доспех, говорят, не такой. Я выставил десяток ползунов⁹, чтобы с разных сторон присматривали за ними, и попытались узнать, кто идет. Будут новости, сразу прискачут. Пока сам сюда отправился. За приказаниями.

---

⁶ Латгалы – восточно-балтийское племя, предположительно, пролатыши. Захватили часть земель ливов и эстов, и расширили свои владения. Впоследствии были захвачены ляхами (поляками), и вошли в Польское королевство, затем в Речь Посполитую.

⁷ Четверть дневного перехода лошади – в раннем средневековье, учитывая тяжесть доспехов воинов, дневной переход не превышал шестидесяти километров. Значит, четверть перехода – около пятнадцати километров. Расстояние, с которого заметен сигнальный костер на вышке, особенно, если в костер добавляется бочонок с нефтью.

⁸ Земляная смола – сырая нефть.

⁹ Ползуны – разведчики.

– А идут точно – в нашу сторону?

– Дорога одна – что к нам, что к Славену. Только от Славена уже ничего, почитай, не осталось. Там и грабить нечего. Только на рабский рынок народ угнать, и земли их заселить. Так разве что... А могут просто мимо пожарища пройти, и напрямик на Русу по льду.

– Надо было воев сосчитать!

– Нечто, воевода, я не счел! Гнать бы меня тогда с крепостицы след. Счел! Четыре с небольшим тысячи. В основном конники. Эти одвуконь¹⁰ едут. Пехота тоже конная, но по одному коню имеют. Сотня стрельцов впереди. Я бы их за словен принял, но словенские стрельцы одвуконь не ездят. А у этих у кого по два, у кого аж по три коня. И у коней доспех тяжелый, не славянский. Но луки, говорят, у них большие, длинные, как сложные славянские.

– Так кто же это? – снова не понял Блажен. – Свеям с той стороны идти несподручно. Да тоже, чать, не большие любители носы морозить. Любят летом выступать, на лодках¹¹ своих. Хотя от них любой подлости ждать след... Тогда надумают, когда дома сидеть надоест, когда деньги последние пропьют, и мощну пополнить захотят.

Сотник продолжил, наслаждаясь принесенной им неизвестностью:

– Но самое интересное – это обозы. Там даже телеги смердов тянутся, к ним и коровы привязаны, и козы, и овцы. И женщин везут, и детей. Я бы так подумал, что народ какой-то переселяется. Вои намерены чужие земли захватить, и туда своих смердов поселить. Знать бы только – откуда идут, и кто, и на какие земли зарятся... Не понимаю...

– Ладно. Будем думать. Но – хорошо, что предупредил. Отдыхай пока с дороги. Тебе покажут, где устроиться. Как новые вести придут, сразу мне докладывай.

– Я долго задерживаться не думаю. Как гонцы придут, я к себе в крепостицу. Там моя сотня... Как сотне без сотника! Я и так уже думал, что мои разведчики меня догонят. Вот-вот должны прибыть.

– Конечно, конечно! Но как гонец будет, сразу ко мне его. А сам отдыхай, и, как ото-спишься, сразу в обратный путь. Я у князя пока буду...

* * *

– А точно это не хозары? – князь Здравень, выслушав пространный доклад городского воеводы, похоже было, окончательно проснулся, и, расправив плечи, потрясывая своими нажитыми в последние годы весомыми телесами, прошелся по горнице, словно готов был коня себе затребовать, и на сечу с неизвестными полками отправиться, хотя сам на сечу даже в молодости не ездил. И вообще князь Русы, как и сам воевода города Блажен, никогда своей воинственностью не славились. И потому воевода никак не отреагировал на передвижения Здравеня по горнице. Понимал, что это только представление. Такое же, какое скоморохи на ярмарке устраивают.

– Нет, говорят, что не хозары. Хотя у хозар, слышал я, есть такая привычка – отправляться в поход с обозами, и тащить за собой мирных жителей, чтобы заселить завоеванные земли. Но в наших снежных краях они селиться не хотят, они только данью желают наши города обложить. А почто ты, князь, про хозар подумал?

– Забыл тех, которых Славен на дороге захватил? Купцов наших грабили... Посольство к Велиборе, княжне словенской... Нам тогда, чтобы наши торговые люди против нас не поднялись, пришлось хозар «на березы»¹² отправить... Есть у меня опасения, что до хозар дошел об

---

¹⁰ Одвуконь – имеют по два коня. Второй обычно привязан к задней луке седла, и используется, как перевозчик поклажи, но всегда готов заменить главного коня.

¹¹ Лодками в те времена называли все суда, что плавали по рекам и по морю, и драккары, и лодьи, и ушкуи.

¹² Старинный вид казни преступников. С помощью лошадей наклоняются две березы, ноги преступника привязываются

этом слух. Или до словен дошел, до Велиборы, и она сообщила это через своих слуг заезжим хозарским купцам. Теперь может месть прийти. Мстить они могут и в зиму собраться...

– Нет, не похожи на хозар. Если это хозары, то их слишком мало для большого набега. Разве что, они словен решат снова посесть и пожечь, поскольку у тех стен нет...

– А двинут потом на нас или не двинут, это еще не известно. Да и терять навсегда таких соседей нам не с руки. Они нас с полуночной стороны всегда прикрывают. Когда какие-нибудь норманны приходят, сначала всегда на словен нарываються. А сейчас... В любом случае, кто бы ни шел с заката, нам со словенами объединять полки след, – решил князь Здравень. – Вместо оборониться легче... Надо бы к ним съездить.

Он, видимо, как подумал воевода Блажен, прикрываясь высокими, и, в общем-то, справедливыми словами, все еще надеялся прибрать словен к своим рукам, и объединить под своей властью два братских племени. И потому искал любой способ сближения. До этого, через жителей Русы, имеющих родню в Славене, предлагал устройство в городе тем, кто от морозов страдает, женщинам и детям. Но желающих пока нашлось мало, потому что на строительстве в Славене даже дети были заняты, а ходить каждое утро по льду Ильмень-моря на другой берег, а вечером обратно возвращаться – это было для всех затруднительно. После работы все слишком уставали, чтобы дважды в день себя дополнительно нагружать дорогой.

Другая инициатива князя Здравеня вообще-то даже и не ему принадлежала, а была высказана на посадском совете воеводой полка князя Войномира Славяром. Но Здравень, видимо, по возрасту, стал памятью слабоват, забыл об этом, и выдавал инициативу воеводы за свою. А, поскольку сам Славяры находился вместе с полком уже далеко, поправить князя было некому. Из тех, кто Славяры слышал, никто не решался. И потому Здравень уже от своего имени предлагал купцам Русы собирать плотницкие артели, и отправлять их за соответствующую плату на работу в стоящийся соседний город. Артели собирались, купцы уже начали торговаться с воеводой Славяры Первонегом о выполнении работ, и все дело шло к тому, что Руса получит множество выгодных заказов. При острой нехватке рабочих рук на другом берегу Ильмень-моря в любой долг полезешь, лишь бы поскорее жилье построить. Но выдавалось все это за добрую соседскую волю, за помощь, пусть и кабальную. Это, считал князь Здравень, тоже непременно скажется на отношении словен к желанию Здравеня объединить родственные племена под одной рукой. И долги при объединении скосятся. О возвращении княжича Гостомысла никто пока ничего не слышал, и Здравень надеялся, что Гостомысл скоро не вернется, если вернется вообще. А если вернется не скоро, он уже успеет прибрать словен себе. Это будет всем выгодно, и словенам и русам. И прекратится сама собой долгая и изнуряющая оба княжества война за земли и меховые богатства Бьярмии.

Объединение полков при приближении врага – это тоже сильный ход, считал Здравень.

– Я могу послать человека, пусть пригласит к тебе Первонегу, – согласился и Блажен.

По большому счету, он даже согласился бы на то, чтобы объединенными полками командовал воевода Первонег, несмотря на то, что под воеводством Первонегу Славяры был сожжен полками воеводы Славяры. Уступить первенство Славяры было нельзя. Он свой в Русе, и мог бы пожелать силой занять должность воеводы города. Просто, действуя одним своим авторитетом. А у Первонегу свой город был, свое воеводство. Значит, он не соперник Блажену. А воинских знаний, сам хорошо понимал Блажен, и опыта у Первонегу несравненно больше, чем у него самого.

– Нет. Я, пожалуй, сам к Первонегу поеду, – решил вдруг князь Здравень потряхнуть стариной, хотя давно уже свой терем не покидал. А теперь и крепчающего мороза не испугался. –

к вершинам, и деревья отпускаются, при распрямлении разрывая преступника на две части. Другие деревья для такой казни не использовались, поскольку у сосен и елей стволы ломались, осина не имела той гибкости и пружинистости. А береза всегда гибкая и упругая.

Так уважительнее будет, да и посмотреть хочется, как там дела у словен идут. Много ли сделать успели. И пусть сами словене на меня посмотрят. Увидят – запомнят, что я болею за них душой.

Блажену возразить против такого желания князя было нечего. Да и не умел он князю возражать. Но и сам ехать со Здравенем не надумал. Посчитал, что уже достаточно промерз сегодня в своем возке, отправляясь в терем к князю Здравеню...

* * *

Воевода Первонег спешил за двадцать шагов от головы колонны, уже различив, что во главе ее едет княжич Гостомysl, разглядывающий не воеводу, что спешил к нему, а стены Людина города и то, что было ему видно дальше, на другом берегу Волхова, и, наверное, вдыхает доносимый ветром запах пожарища. Этот запах будет стоять до конца зимы. Им даже снег в сугробах до самой земли пропах, и уйдет только с тальми водами в Волхов, откуда будет унесен в Ладугу и дальше по Неве до незамерзающего моря. А рядом с княжичем ехал, придерживая рвущегося вперед сильного боевого коня немолодой вой в богатых доспехах и багряном плаще, подбитом мехом куницы. Вой был, примерно, ровесником Первонег, и выглядел таким же сильным и суровым. И даже седые бороды у них были подстрижены одинаковым полукругом. Только Первонег носил бороду длиннее. Между двух ведущих всадников виднелась широкая грудь и мощные плечи сотника Бобрыни, хорошо знакомого Первонегу.

Воевода спешил, и взял своего коня за повод. Точно так же сделали и вой его сопровождения, только гонец обогнал их, и встал в строй дружины за спинами ведущих. Видимо, занял свое место, с которого его и послали к Первонегу.

Первонег подошел уважительно, хотя свой островерхий шлем не снял. Шлем любой вой обычно даже перед князем не снимает, поскольку он часть доспеха. Шлем, это не шапка. Остановился чуть в стороне, на краю дороги, дожидаясь слова княжича, но голову не поднимал, словно признавал свою вину, и ждал слова Гостомысла – милующего или опального.

Княжич конечно же видел приближение городского воеводы, и умышленно смотрел на сожженный город, чтобы иметь возможность с мыслями собраться, и что-то сказать. Но остановился рядом в Первонег, натянул повод коня. Конь Гостомысла протянул голову, и коснулся губами лица воеводы, обдал его теплым дыханием.

Первонег взгляд поднял.

– Ты, как вижу, воевода, виниться пришел, – мягко и негромко сказал Гостомysl. – Вину свою сам видишь?

– Я все делал, как следовало, но меня обманули, княжич. Предатель варягов привел. Себя назвал, и сказал, что свою сотню из крепостицы привел. И брат его на башне дежурил. Голос узнал, подтвердил. Ворота открыли, сотню запустить, а там варяги... В этом моя вина и есть...

– Ладно, потом все расскажешь. Не на дороге такие разговоры вести. Мой конь, видишь, уже простил тебя, ласкается. А кони чуткие. Они знают, кто виноват, кто не виноват.

– А обмануть любого могут, – сказал пожилой вой в багряном плаще.

– Пристраивайся рядом, поехали в город, – продолжил княжич. – Вернее, туда... Что от города осталось... Показывай... А это, кстати, познакомься... Это князь Бравлин Второй, который после поражения от Карла Каролинга привел с согласия короля франков свой народ к нам.

Первонег снова наклонил голову, изображая поклон.

– Так, что от Славена осталось?

– Только Людин конец и остался. Две трети города сгорело.

– А люди?

– Семьдесят воев убито, много увечных. Много людей обожглось на пожарах. Теперь в увечных ходят. Пока работать не могут. Но к лету будут свежими, как волхвы-лекари говорят.

– Сейчас что делается? – спросил князь Бравлин со слегка странным, но все же понятным акцентом, не уродующим славянский язык, только звучащим слегка иноземно.

– Сейчас, княже, народ ищет, как перенести зиму. Строят землянки, чтобы не перемерзнуть. У нас порой морозы такие бывают, что на свет выйти не захочешь. Мороз, как болезнь, а тело через горло входит.

– Значит, будем вместе строить, – констатировал факт князь. Для моих людей место найдется? Для начала хотя бы для землянок?

– Места у нас на всех хватит, – за воеводу ответил Гостомysl, и не стал объяснять Первонегу суть происходящего переселения, хотя у воеводы в глазах был написан вопрос.

– А это кто? – спросил князь Бравлин, кивая в сторону Ильмень-моря.

– Кто это? – переспросил и княжич Гостомysl, адресуя вопрос напрямую к воеводе, который должен был, по его понятию, знать, что здесь происходит.

Первонег повернулся, и посмотрел через плечо. К берегу, передвигаясь напрямую через лед, выходил большой отряд всадников, окруживших покрытые пологом сани. И рассмотреть, кто в санях, было невозможно и от расстояния, и из-за полога.

– Варяги... – без холода в голосе, не как положено говорить о врагах, ответил воевода. – «Красные щиты».

– Лютичи тоже красят свои щиты в красный цвет, – для чего-то сообщил князь Бравлин.

– Лютичам здесь взяться неоткуда, – спокойно ответил Первонег, зная, насколько далек путь от земель одного из самых закатных и самых сильных славянских племен до владений ильменских словен.

– Ваграм тоже было неоткуда взяться, – возразил Бравлин. – Однако же, они взялись, хотя от нас до ваших земель на целый день пути добираться дольше¹³, чем от лютичей. Хотя, скорее всего, лютичам и правда здесь делать нечего. Они сейчас не воюют.

– Варяги возок сопровождают. Кто-то важный едет, – сделал вывод Первонег. – Они часто здесь бывают. Помощь в восстановлении Славена предлагают.

– Помощь? – переспросил Гостомysl.

– А зачем тогда нужно было город сжигать? – не понял ситуацию Бравлин.

– Когда город жгли, они еще не знали, что Буривой и Вадимир погибли. Тогда война за Бьярмию шла. Потому и пожгли.

– Ты, никак, их оправдываешь? – переспросил княжич.

– Я никого не оправдываю. Просто я с отроческих лет в седле сижу, и с того же возраста держу в руках оружие. Я даже родился во время боя...

– Как это? – не понял князь.

– Моя мама гнала сани, спасаясь от хозар, отстреливалась из лука, и, одновременно, меня производила на свет... Вот потому я по крови стал воем. Только родившись. И знаю, что такое война. Но врагов в варягах я, княже, не вижу. Они сделали то, что им нужно было сделать для победы в той войне. Извини уж, княже, за прямоту.

– Достойные воеводы слова, – оценил эту прямоту князь Бравлин.

– А что за помощь варяги предлагают? – поинтересовался Гостомysl, занятый своими мыслями, и не осуждающий воеводу за военную оценку происшедшего. Помощь попавшим в беду горожанам занимала его больше всего.

– Сначала князь Здравень послов от посадского совета прислал, предлагал кров тем, кто желает зиму в Русе провести. Особенно звал женщин с детьми.

---

¹³ В конце восьмого века вагры считались одним из самых западных славянских племен. Земли вenedов, которые когда-то построили и Венецию, и свою столицу Вену, и Потсдам с близлежащей деревенькой Берлин, к тому времени уже были захвачены германскими племенами, к которым принадлежали и франки. Сами вenedы частично были истреблены, частично ассимилировались среди алчных пришельцев.

– Это гуманно и здраво, – согласился Бравлин. – Совсем не в духе вражды. Вражда может быть непримиримой только между чужими людьми. Между почти своими все должны учиться прощать. А надежда, как я понимаю, у князя русов была простая – многие из тех, кто оценит гостеприимство варягов, может у них и остаться. Так совместились расчет и благородство, понятия, вроде бы, и несовместимые. И много согласилось?

– Единицы. У нас здесь женщины и дети вместе с мужчинами работают. Всем дело найдется. Дети, конечно, бревна таскать не могут, но ошкуривать их – как раз по детским рукам. Каждая семья стремится побыстрее землянкой обзавестись. Кто-то большие землянки строит – на две-три семьи сразу. Только чтобы перезимовать. А жить в Русе, вставать до света, и идти пешком через озеро, а потом к середине ночи возвращаться, чтобы опять до света подниматься – это трудно всем. Потому народ идти туда и не захотел.

– Это вся помощь? – поинтересовался Гостомысл.

– Еще княже Здравень приказал своим купцам артели плотницкие нам в помощь собирать, и отправлять. Со мной пока переговоры ведут. Артелям тоже платить след. А у меня средств на это нет. Обратился к посадскому совету, они еще решают. Пока не решили. Торгуются. У посадского совета, сказывают, тоже денег не много. Берегут. Боярин Пустило, даже не как казначей посадского совета, а как человек, всегда прижимистым был. У него воды в дождь не выпросишь.

– А казна княжеская? – спросил Гостомысл.

– В Кареле осталась. В крепости. Так воевода Военег сказывает. Он без твоего согласия, княжич, привезти не решился. А я требовать права не имею. И своих денег нет. Даже дом сгорел, продать нечего. Так бы продал...

– И что еще русы предлагают? – продолжил разговор Бравлин.

– Посадник Русы Ворошила не ко мне обращался, а напрямую к посадскому совету. Предлагал займы дать под проценты. На восстановление города. Пока, как я знаю, торгуются с Пустилой из-за процентов. Ба! Да это, кажется, сани самого князя Здравеня. Я десятника из его охраны узнал. Такая длинная борода во всей Русе у него у одного. Кого еще может княжеская охрана сопровождать? Не иначе, узнал, княжич, о твоём приезде, и спешит тебе навстречу...

– Поприветствовать? – спросил князь Бравлин.

– Скорее проверить мою реакцию относительно сожжения Славена, – предположил Годослав. – Князь Здравень – очень скользкий человек. И вообще он не любит прямого разговора. Всегда уваливает от него, не говорит ни «да», ни «нет», и действует через своих людей. Сначала старается «мнение создать», а потом что-то предпринимает. Я удивился, как он, такой осторожный, допустил сожжение Славена. Обычно Здравень избегает любого обострения и нарушения своего спокойствия. Сна, то есть. Здравень спит даже на заседаниях посадского совета. Впрочем, я с ним всего дважды встречался. Оба раза уже после смерти старших братьев. Но впечатление он оставил неприятное.

– Его осторожность имеет свои причины, княжич, – вставил фразу Первонег.

– Какую такую причину?

– Здравень сильно робел перед князем Буривоем. Говорят, всегда боялся, что Буривой его ударит, и убьет кулаком, как ведмедя¹⁴. И потому при всех переговорах ставил свое кресло перед занавеской, а за занавеской стояло два меченосца, готовые защитить его. Так молва доносит. И молва эта из самой Русы идет. Впрочем, это не мудрено. Перед князем Буривоем все робели. И я – тоже среди всех... Наш князь чужого мнения не любил... Но решительности Здравеня я тоже удивился. Как он дал волю Славену? Просто боялся Войномира или что-то другое?

---

¹⁴ Ведмедь, ведающий мед – то же самое, что медведь, мед ведающий. У восточных славян оба слова имели хождение и применялись вместо действительного имени зверя, которое до наших времен не дошло.

– Я, возможно, причину знаю, – задумчиво произнес Гостомысл. – Когда-то, пока были живы оба брата, поставившие наши города, Славен и Рус, у нас было одно княжество. Когда умер Славен, княжеством правил Рус, младший. А после его смерти княжество разделилось на два. Отцу давно говорили, что словен и варягов следует объединять в одно сильное княжество. Батюшка думал об этом, но ему помешал князь Войномир. Все уже шло к объединению, оставалось только до конца покорить Бьярмию, а потом поставить условия Русе, но тут молодой Войномир все с ног на голову поставил. Хотя сам тоже говорил об объединении. Только батюшка видел во главе княжества Славен, а Войномир хотел Русу. Наверное, и у Здравеня такие же мысли были. В Бьярмии мы потерпели поражение. Батюшка умер, Владимир погиб, наверное, дошли до Русы слухи о моем беспомощном положении. И тогда Здравень решился. Посчитал, что я или не вернусь, или вернусь очень не скоро, когда все будет сделано...

– Откуда он мог о твоём состоянии знать? – спросил Бравлин.

– От Войномира, – уверенно сообщил Первонег. – Я сам читал письмо князя Войномира к воеводе Славру, в котором князь затребовал к себе свой полк во главе со Славром, и сообщил, что, видимо, навсегда остается на Руяне, куда его поставил правителем князь Гостомысл. В том же письме, княжич, Войномир рассказал о том, что случилось с нашим княжичем, и не был уверен, что княжич сможет выдюжить, и вернуться. Вот Славр перед отправлением и сообщил, наверное, Здравеню эту весть. И теперь князь Русы суетится...

– Да, это похоже на правду, – согласился Гостомысл. – Но Войномир твердо сообщил, что желает остаться на Буяне¹⁵?

В вопросе прозвучала даже некоторая опасливость.

– Так он писал в своем письме. Его не только я читал, его и мой спаситель после нападения на Славен... – воевода кивнул на воина своего сопровождения Белоуса, – тоже читал.

– Читал, княжич, – подтвердил Белоус.

– Как он тебя спасал, расскажешь потом, когда в тепле где-нибудь сядем, и медом согремся. А сейчас надо со Здравенем встретиться. Поехали, княже, ему навстречу.

Бравлин согласно кивнул, но все же спросил:

– Охрану брать след? Он же с охраной... Большой соблазн, если ты точно причину понял, оставить словен «без головы».

– Да, – согласно кивнул Гостомысл, и посмотрел через плечо на сотника Бобрыню. Сотник взгляд понял сразу, даже не требуя подтверждающего знака, что-то короткое приказал воям своей сотни, и три десятка сразу отделились от колонны, выстраиваясь с двух сторон от князя Бравлина и княжича Гостомысла, которые пустили коней напрямую через невысокие и утрамбованные ветром снежные сугробы ко льду Ильмень-моря. Там слой снега был еще более доступен ветру, и потому оказался тонким ровно настолько, чтобы копыта коней не скользили. Две группы скоро сблизилась и остановились одна против другой. Охраной князя Здравеня командовал десятник с длинной, слегка седоватой бородой. Он сам и распахнул полог, закрывающий возок от ветра, который на открытом просторе Ильмень-моря всегда чувствовал свою свободу, и любил показать свою игривость в любое время года. Причем, для этого действия десятнику пришлось спешиться, чтобы не поднимать полог копьём, что могло не понравиться князю, а потом и протянуть престарелому и необычайно тучному Здравеню руку, чтобы тот смог свое насиженное теплое место покинуть. В объяснение своим действиям, десятник сообщил:

– Княжич Гостомысл!

Здравень закричал и заворочался внутри возка, и руку помощи принял.

Тем, кто скакал верхом, было по погоде тоже не жарко. Солнце светило, но совсем не грело. И, даже наоборот, как всегда бывает – солнечный день означает чистое небо, а при

---

¹⁵ Восточные славяне звали остров Руян Буяном (ныне – остров Рюген, территория Германии).

чистом небе всегда зимой бывает морозно. Но сама скачка, даже не быстрая, разгоняла кровь не только в лошадях, но и в телах всадников. Необходимость пружинить ногами, вдетыми в стремена, помогала всему телу напрягаться, что разгоняло кровь по мышцам, и согревало. И мерзли только пальцы рук и ног. Сидящий же в возке человек не шевелился, не напрягался, и спасался от холода только несколькими звериными шкурами да собственной теплой одеждой. И после такой поездки каждое первое движение казалось прыжком в ледяную прорубь. Морозом начинало колотить все тело, и даже говорить было сложно – постукивали зубы, и челюсти вместе с языком не слушались. Воевода выбрался на неглубокий снег, покрывающий лед, тяжело дыша и с натугой. Его ногам было трудно носить такое тело. Но сильная рука немолодого широкоплечего десятника помогала. Хотя помощь эта заставляла Здравеня морщиться. Он умышленно тянул время, чтобы с мыслями собраться. Слишком неожиданной оказалась встреча с Гостомыслом, который, по мыслям князя Русы, должен был бы находиться где-то вдалеке.

Здравень, наконец-то, выбрался из саней. Пару раз сердито топнул ногами, словно прогоняя из тела скопившийся там мороз. И только после этого поднял голову, чтобы цепким своим взглядом рассмотреть Гостомысла и сопровождающих его воеводу Первонегу, которого слегка знал в лицо, и прибывшего вместе с ними неизвестного немолодого, хотя и не сказать, что старого человека в таком же багряном плаще, какой был на Здравене. Обычно багряные плащи носили князья, реже – княжичи, и совсем редко – самые заслуженные воеводы, которых, порой, князья награждали своим плащом за особые заслуги¹⁶. Определить, кто перед ним, князь или воевода, Здравень не смог. На воев охраны он вообще внимания не обратил. Точно такие же вои, как в его охране. Только, может быть, помоложе. Но таких Гостомысл сам себе, видимо, подбирал – по своему возрасту. Тогда как Здравеня охраняли надежные и проверенные во многих сечах варяги, умудренные боевым опытом.

Присутствие на останках Славена княжича Гостомысла оказалось для князя Русы откровенно неприятным сюрпризом. Он-то надеялся в ожиданиях своих, что Гостомысл не скоро вернется, если вернется вообще. Но недовольства своего опытный политик не показал. Он вообще никогда и никому предпочитал не показывать своих чувств и планов. И если делился с кем-то соображениями, то для того лишь, чтобы выслушать совет, в котором престарелый князь тоже порой нуждался. Как правило, считал сам Здравень, советчики пытаются угодить ему, стараются его мысли угадать, и им поддакнуть, чтобы, таким образом, к князю приблизиться. Но он хорошо чувствовал их нечестность. Даже по интонациям в голосе чувствовал. И чаще использовал такие советы, как аргументацию для себя против того, о чем совета спрашивал.

Гостомысл спрыгнул с коня, чтобы пожать старому князю руку. Однако, лицо его приветливости не показывало. Было понятно, что чувствовать приветливость к человеку, на которого, в основном, и следовало возложить ответственность за сожженный город, княжич не мог. Хотя сами словене до этого дважды сжигали и стены, и сам город Русу. Правда, это было еще во времена князя Владимира Старого. А сын Владимира, неукротимый князь Буривой, предпочитал сжигать дальние крепостицы и крепости в Бьярмии, намереваясь там расчистить пространство, и перенести туда свою столицу. Буривою больше нравился тот далекий край, пусть и холодный, пусть и населенный, в основном, дикими племенами зырян, но все это оказалось как-то более по душе крепкому телом и духом Буривою. Правда, нельзя было сказать, что его в таком стремлении поддерживали посадские советники Славена, от которых во многом и завишело настроение самих горожан. А ведь им, по большому счету, было и решать судьбу своей

---

¹⁶ Обычай носить князьям багряные плащи пришел на Русь, видимо, из Византии, где такие плащи носили исключительно императоры или лица, которым император мог подарить свой плащ за особые заслуги. Но обычай был принят в подражание императорам или в противовес им – кто такие, эти императоры! А мы разве хуже! – этого история до потомков не донесла.

столицы – переезжать ей или оставаться на прежнем месте. Не захочет народ переселяться, станет новая столица только городом, в котором живут одни полки Буривого. А таких городов не бывает. Боевые полки следует хотя бы кормить. А чтобы кормить их, требуются финансовые средства. А эти средства для города добываются всегда с помощью развития ремесел и торговли. А вся торговля находилась в руках посадских советников. Правда, после пожара и посадский совет остался, практически, без средств, поскольку сгорели торговые лавки, в подавляющем большинстве своем находящиеся как раз в Словенском конце, который впоследствии так и будет называться Торговой стороной уже другого, нового города. А небольшие лавки Людиного конца много дохода не приносили. Да и было их мало, даже меньше, чем ремесленных мастерских. Это все Здравень знал по чужим рассказам, потому что сам в Славене в своей жизни бывал лишь трижды, да и то в молодости, когда еще княжил в Русе Здравень старший.

– Я рад, княжич, что ты вернулся вовремя. Сейчас твоему народу нужна твердая рука и продуманное управление. Мы все твоего возвращения дожидались. Но я не знал, что ты уже здесь. Давно ли прибыл?

– Давно, – непонятно почему солгал Гостомысл. Наверное, просто хотелось показать, что он в курсе всех дел на строительстве, если прибыл уже давно.

– А то слухи разные ходили. И о твоём ранении, и о твоём неважном самочувствии. Даже сомнения ползали, что ты сможешь вернуться.

– Слухам верить – себе вред приносить... – совсем не как младший старшему, нравоучительно произнес Гостомысл. Голос его был при этом ледяным и неприветливым. И князь Здравень это прекрасно почувствовал. Но, как человек опытный в общении с союзниками и с противниками, князь своего понимания ситуации не показал. Вернее, он и не понимал в действительности ситуацию. Здравень понимал, что нападение на город и сожженные дома и городские стены здесь ни при чем. За то, что варяги ушли без грабежа города, словене, и их княжич, должны быть благодарны, хотя так между городами-братьями и полагалось решать споры. О том, что Гостомысл может предположить действительные мысли Здравеня, догадаться было невозможно, поскольку князь делился этими мыслями только по большому секрету лишь с посадником Русы Ворошилой. Конечно, Ворошила мог кому-то и сказать об этом. Но слова без действий не имеют, по сути дела, значения. По поступкам князя Здравеня, как считал сам князь, никто не смог бы понять его желание отобрать у Гостомысла княжение в Славене.

– Так, ранен, говорят, ты, княжич, был... Стрелой отравленной...

– Раны всякий вой переносит, и не бывает воя, что ран избежал. Значит, плохо дрался, если не был ранен. За чужие спины прятался. А отравы не всех взять может. И от нее знающие люди лечат. Сейчас стал здоровее, чем был. Только злее на врагов. А здоровья и тебе, и твоим людям, такого, как у меня, только пожелать могу...

Князь русов осмотрелся.

– Я вообще-то думал, что здесь воевода всем заправляет, – сказал Здравень. – К нему ехал, чтобы согласовать действия. Мои разведчики прискакали с донесением из дальних охраненных крепостей, сообщили, что большое войско с обозом движется в нашу сторону.

– Большое войско? С какой стороны? – спросил до этого молчащий князь Бравлин.

Здравень с легким удивлением посмотрел на Гостомысла, словно спрашивая: что за человек вмешивается в разговор двух правителей. При князе Буривое такое было бы, конечно, невозможно. Но Гостомысл был слишком мягким человеком, и мог допустить панибратство с низшими. И Здравень словно бы рекомендовал ему взглядом проявить приличествующую случаю жесткость, и показать характер.

Гостомысл, однако, не проявил жесткости, и сказал просто:

– Я не успел тебе представить, уважаемый Здравень, своего гостя князя вагров Бравлина Второго. Он со своим войском и со своим народом желает переселиться в наши земли.

Здравень такой вести сильно удивился. Так сильно, что округлое его лицо вытянулось, словно вдруг похудело, но щеки отвисли, тройной подбородок куда-то к груди сполз, а брови до шапки поднялись.

– Мне говорили, князь Бравлин ведет тяжелую войну в Карлом Каролингом.

– Я проиграл эту войну, – с горечью в голосе сказал Бравлин. – Франки захватили мои города и мои земли, и король Карл подарил их моему брату князю бодричей Годославу. Но я спросил тебя, уважаемый князь, с какой стороны приближается колонна?

– С закатной. Тогда у меня новое подозрение есть. Может быть, король франков послал за вами погоню. А обоз... Это может быть часть вашего обоза, который франки обгоняют?

– Это невозможно, – спокойно сказал Бравлин. – Король Карл Каролинг, согласно своему статусу, первый рыцарь королевства франков, следовательно, он – человек слова. Мы заключили с ним договор о том, что франки без помех пропускают мой народ вместе с остатками моего войска. Даже если бы Карл вдруг передумал, он запретил бы посылать погоню только потому, что дал свое королевское и рыцарское слово. В этом отношении на Карла можно положиться.

– Тогда, что же за колонна идет в нашу сторону? – непонятно кого спросил Здравень.

– А давно твои разведчики встретили колонну? И в каком месте?

– Три дня назад. Я сам доклад получил только от городского воеводы. А до этого доложили ему лично. Сотник, что отправился с донесением, человек необычайной силы и мощи. И его боевой конь под его весом сломал в дороге ногу. Потом сотник загнал двух лошадей, и только на третьей сумел до Русы добраться. Потому и так долго!

– Три дня назад? – вслух подумал Гостомysl. – Три дня назад мы только вошли в свои земли из земли латгалов, которые кружили вокруг дороги, как шакалы, малыми отрядами, но не рискнули на нас напасть. Пару раз, правда, наши стрельцы доставали их, не позволяя приблизиться. И это добавило им опасения. Потом рядом с нашей дорогой какое-то время ехал полк кривичей. В этих мы не стреляли, но они сами не приближались, только наблюдали нас издали. Но поняли, зная, что братья-славяне идут, и отстали.

– Тогда, я понимаю, – князь Здравень хотел стукнуть себя в подтверждение по лбу, но рука у него так высоко не поднялась, и жест оказался смешным, словно он по бабьи руками всплеснул. – Это вашу колонну видели мои разведчики...

– Скорее всего – так, – согласился Бравлин.

– Меня беспокоило, не хозары ли приближаются. Они летом и осенью снова разграбили Муром, потом поднимались до Полоцка, но Полоцк взять не смогли. Обещали весной прийти в наши земли. Хозары – это серьезная угроза для всех. От них только сообща отбиться можно.

– Сообща и будем отбиваться, – согласился Гостомysl. – Не впервой нам полки объединять. Только до весны еще дожить надо.

– Доживем... И мы, и вы... Морозы ударят, приходите к нам греться. Места хватит на всех.

– Хозары же, насколько я помню, не любят зимние походы.

– Да, тут случай был. Какое-то посольство хозарское ехало в Славен к княжне Велиборе, да по дороге они напали на соляной обоз. Купцы с деньгами с далекой поездки возвращались. Хозары, как обычно, пограбить хотели, невзирая на то, что они посольство. Но тут, на их беду, на ту же дорогу вышел со своим полком воевода Славен. Он тогда как раз отправился к князю Войномиру. Ну, и перебил хозар, спас обозников. Я вот и боюсь, что злость в хозарах разыграет, и зимой двинут. Они себя шибко уважают, и считают, что мы тоже должны их уважать.

– А что Велибора? Не спрашивала про это посольство? – поинтересовался Гостомysl у Первонегга.

– Она со мной не общается, – покачал головой воевода. – Даже не кивнет при встрече, не поздоровается, словно никогда не видела. Но теперь мы против хозар можем тоже силы достаточные выставить...

Первонег посмотрел на Бравлина.

– Можем, и выставим, – согласился князь.

– А какие у тебя планы на будущее, уважаемый князь? – Здравень повернул свой объемный живот в сторону князя вагров.

– Мой народ хочет породниться в народе словен. Так мы договорились с княжичем Гостомыслом. Он пригласил меня в свои земли, я согласился. А мой народ привык слушаться своего князя, и верить ему. Правда, тогда еще никто не знал о пожаре в Славене. Но я привел с собой своих мастеровых людей, которые умеют строить дома и из дерева, и из камня, и теперь они будут помогать словенам возводить новый город.

– У нового города будет новое название? – с чего-то вдруг спросил Здравень.

– Если бы мое мнение спросили, – непонятно почему очень сухо, и даже с неприязнью ответил князь Бравлин, – я бы предложил так и назвать его – Новым городом, поскольку моя столица называлась Старгородом¹⁷. Новгород – разве это звучит плохо?...

– А что скажет будущий князь Новгорода? – поинтересовался Здравень, с любопытством глядя, посеет ли он этими простыми словами раздор между Бравлином и Гостомыслом. Но они никак не отреагировали на такую попытку, словно все уже заранее обговорили.

Но сам князь Здравень увидел здесь для себя и Русы еще одну возможность ослабить соседа, который был, казалось, совсем добит, но, благодаря такой случайности, как нападение франков на далекие земли вагров, готов был восстать из пепла более сильным, чем был когда-либо ранее. И такое усиление не только разрушало все планы князя Здравеня, но и вообще отодвигало Русу на задний план...

---

¹⁷ Старгород – Старград, столица княжества вагров, в 1157 году город был переименован в Ольденбург в Голштинии. В настоящее время находится в Германии.

Глава первая

Прибытия всей колонны вагров пришлось ждать до вечера. Слишком далеко растянулся обоз, который князь Бравлин предпочитал прикрывать частью своей уцелевшей дружины. Отдельные полки шли в середине обоза, отдельные передвигались сзади, предотвращая нападение. Хотя княжич Гостомysl и посмеивался, уверяя, что никто в этих землях напасть на колонну, которой он предводительствует, не посмеет, Князь предпочитал придерживаться привычного выверенного порядка. И не столько из-за какого-то опасения, сколько просто для того, чтобы собственно порядок сохранить, чтобы он привычкой стал. Таким образом, разные группы прибывали в разное время. Но, те, кто прибыл раньше других, времени терять даром не стали. Тем более, что сам князь Бравлин Второй тоже время тратить попусту не любил, и уже отдал необходимые распоряжения, сразу отправляя людей в работу, чтобы не мерзли почем зря не только в нынешнюю предстоящую ночь, но и в ночи ближайшие. Распоряжения князя доносил до тех, кому они адресовались, сотник Заруба, как и в Старгороде, исполняющий обязанности княжеского секретаря. Он сразу и собрал к Бравлину прибывших в первой части колонны градских инженеров-вагров¹⁸, которые сразу получили от князя задание обойти территорию, где должен быть заново построен новый город, и наметить примерные чертежи. Или хотя бы мысли о контурах нового города высказать. А потом уже за чертежи браться. Срок для подготовки чертежей был дан предельно короткий – всего одна поладеница. Сопровождать строителей по просьбе Бравлина княжич Гостомysl отправил воеводу Первонегу, который мог все показать и рассказать. Впрочем, показывать было не обязательно, поскольку обгоревшие остатки стен еще торчали из уцелевших городней¹⁹ и тарас²⁰, словно черные растопыренные пальцы человеческого горя, указывающие в светлое, но все же серое небо этих почти полуночных земель. Таким образом, очертания старого города были вполне достоверно обозначены. Да и неподвластный огню земляной вал повторял контуры стен даже там, где стены выгорели полностью. А таких мест, где стены не имели ни городней, ни тарас, и устанавливались прямо на землю, было немало.

О том, что город очерчен по внешней стороне валом, Гостомysl сразу и сказал князю Бравлину. На что князь мягко возразил:

– Во-первых, я видел этот вал, и особого смысла в нем в таком виде вообще не вижу. Во-вторых, сейчас стены придется сильно раздвигать. С ваграми население увеличится, почти в два раза. И нужно сразу улицы разметить. Кварталы – где кому жить предстоит, где лавки держать, где ремесленные мастерские, где сами ремесленники будут жить, где знатные горожане, где купцы. Все ведь предпочитают соседей иметь близких себе по духу. Так они и будут селиться. Раньше город как строился? По плану?

– Кто где мог, где удавалось землю купить, там дом и ставили. Лучшие участки посадский совет на торги выставлял – кто больше заплатит, того и участок. Но земли всем все равно не хватало. А строили все больше и больше. Часто за городом. Потом стены переносили. Их время

---

¹⁸ Инженер – слово «инженер» вошло в обиход еще во втором веке до новой эры в Древнем Риме. Тогда так называли строителей стенобитных машин. Позже этот термин приобрел более широкое значение. Происходит от латинского слова «ingenium» – способности, изобретательность.

¹⁹ Городня – один из видов нижней части крепостных и городских стен. Срубы-городни ставились вплотную друг к другу. Со временем нижние венцы подгнивали, и из-за этого кренилась вся стена. Это являлись основным недостатком городней. (Классификация Ф. Ласковского).

²⁰ Тараса – более прогрессивная, в сравнение с городней, система строительства городских и крепостных стен. Тараса представляла собой двойной сруб, малый устанавливался внутри большого, засыпался землей с камнями, и для создания жесткости конструкции соединялся с большим перерубами. В промежутке между срубами находились защитники стен, для которых в большом срубе прорубались двери и бойницы. По наличию дверей и бойниц можно было отличить тарасу от городни. (Классификация Ф. Ласковского)

от времени все равно переносить приходится. Отец мой, помнится, уже думал в ближайшие годы стены ближе к Ильмень-морю выдвигать, чтобы под стены окрестные береговые селения взять.

– А там берег какой? Почва...

– Песок и суглинок.

– На песке стены не поставит. Упадут. Суглинок, когда снега мало, и мороз крепкий, сам стены сдвинет и свалит.

– Это отца и держало. Иначе уже давно город расширил бы. А улицы, не понимаю, зачем размечать? Улица – это же только дорога. А дорогу люди всегда прокладывают там, где им удобнее. Сами прокладывают. А потом уже, вокруг этих дорог, дома ставятся. У нас так обычно бывает.

Бравлин категорично не согласился.

– Дозволь мне, друг мой, Гостомысл, по своему в твоей земле похозяйничать. Уверю тебя, у меня и у моих инженеров есть опыт и знания. Мы специально изучали науку возведения град и крепостей. Так, как ты говоришь, город строится десятилетиями и даже веками. А у нас с тобой задача другая. Нам даже одного десятилетия не отпущено: какой-нибудь враг да нагрянет, и потому нам нужно как можно быстрее возвести жилища для людей, и окружить их стенами, чтобы избежать очередного нашествия врагов, и сохранить то, что построим. А потом только займемся большим городским строительством. Плохо, что сейчас зима, иначе мы смогли бы поставить даже каменные стены. Но пока будем запасать больше леса для строительства. Может быть, потом и камни найдем, и кое-что из камня возведем...

Гостомысл улыбнулся.

– Мой народ не обучен с камнем работать. Мы привыкли пользоваться тем, что у нас под рукой. А под рукой у нас леса и леса.

– Мои люди умеют. И твоих научат. Они ставили каменные дома и каменные стены не только в Старгороде, но даже в королевстве данов. Целые замки возводили. А смекалки, чтобы научиться, твоему народу тоже хватит. Что касается улиц, то сейчас, сам посмотри, люди ставят землянки как попало, – князь показал пальцем вдаль. – А потом, чтобы улицу проложить, если ее сразу не разметить, придется землянки ломать. А если у этих людей еще не будет построен свой дом? Куда им из землянки перебираться. Нет, княжич, необходимо сразу все продумать. Улицы должны быть прямой.

– Для чего? Не понимаю. Это что-то дает?

– Улица – это, в какой-то мере, фортификационное сооружение. И должна идти так, чтобы, в случае чего, можно было кратчайшим путем перебросить один полк в другое место, где требуется поддержка. Чтобы конница, скажем, совершила бросок от ворот до ворот, и произвела вылазку вместе с другим конным полком. А потом такую же вылазку из других ворот. Но как конница будет передвигаться между землянками! Если нет улицы, от конницы не жди быстроты маневра. В прежние годы в Старгороде мы с воеводой Веславом, который такое использование конницы и придумал, даже снесли в Старгороде несколько домов, чтобы спрямить путь от ворот до ворот. И это принесло нам пользу в двух войнах – с франками и с нордальбингами, которые тоже пытались, помнится, Старгород взять «изъездом»²¹. Нордальбингов мы тогда конницей просто сначала порубили, потом развернули, и погнали. А у франков отбили много метательных стенобитных баллист. Без них они стены пробить не смогли, и отступили. Тогда, впрочем, у монсеньора Бернара, а именно он франками командовал, и войск

---

²¹ «Изъезд» – во времена, когда стенобитные машины в славянских землях не имели широкого применения, города и крепости брались, в основном, двумя способами: быстрой неожиданной атакой на ворота – это называлось «изъездом», или долговременной осадой «на измор». Франки, как и другие германские племена, предпочитали использовать стенобитные машины, часть которых в чертежах и в редких экземплярах унаследовали от римлян, часть захватили у арабов в Испании, и усовершенствовали. Карл Каролинг даже «покупал» сарацинских мастеров по изготовлению стенобитных машин.

было немного. Это, скорее, не война была, а разведка в преддверии войны. Баллисты были, правда, примитивные. Мои инженеры потом улучшили их, и со стен метали бочки с горячей смолой во врага. А все это удалось благодаря быстрым перестроениям конницы. А если бы расположение улиц было заранее продумано, ничего и сносить бы не пришлось. У нас с тобой сейчас есть возможность сначала подумать, и только потом строить. Так давай будем думать. На то нам головы и даны. Все это – стены, башни, улицы – должно быть увязано в одну систему с воротами, и не может строиться наобум. И должно быть удобно как для обороны, так и для собственной неожиданной для врага вылазки.

Гостомысл доверял грамотности князя Бравлина полностью, поскольку об этой грамотности еще в предыдущие свои поездки в закатную сторону много раз слышал от князя Годослава. И потому согласно кивнул. Гостомысл вообще по нраву был человеком доверчивым и легким в общении, сговорчивым. Никогда не упирался, как это делал его отец князь Буривой, в одну мысль только потому, что эта мысль ему самому и принадлежала.

– Распоряжайся, княже, здесь, как в Старгороде распорядился. Я твои знания уважаю, как и знания твоих людей. Только есть у меня тоже свои отдельные мысли. Может быть, и тебе они по вкусу придутся. Выслушай!

– Говори...

– Вот видишь, наш город так расположен, что Волхова его пополам разрезает. И когда варяги сожгли Словенский конец, Людин конец уцелел. Мост разобрали, и не дали огню распространиться. Что, если новый город так и строить? Чтобы и внутри стены были. Разделить его на несколько частей, что будут по разные стороны Волхова расположены. Да и между собой, даже на одном берегу, тоже разделить. Хотя бы отдельные концы сделать. По роду занятий.

– Есть в этом смысл, – согласился князь. – Так некоторые города у швабов и у франков построены. В Византии так города строят. Только есть при таком строительстве и определенные отрицательные моменты. В Византии с этим многократно сталкивались, и не всегда, говорят, были такому рады.

– Какие моменты?

– Как правило, люди, живущие рядом, в соседних, скажем, домах, друг на друга влияние оказывают. Имея общие интересы, мыслями делятся. Там свои собственные настроения создаются. Грубо говоря, свои силы, думающие не всегда так, как соседи. И каждое отдельное городище в этом случае будет иметь свою мысль. В Древнем Риме тоже с таким были знакомы. Они называли эту мысль обособленной группы людей доминантой. И всячески старались инакомыслие уничтожить. В Византии доминантность отдельных частей города выливалась в открытые восстания против императора или против отдельных его действий. В восстания, часто кровавые, несущие за собой смену императорской власти. А отдельные участки города даже между собой войны вели. Одна часть их столицы Константинополя выступала против императора, другая императора поддерживала. А война внутри города – это всегда угроза всему городу. Угроза уничтожением. И ослабление перед внешним врагом.

– У нас как-то не принято со своими же насмерть воевать, и своих уничтожать. Подрались друг с другом, как мы с варягами – это часто. Но не уничтожать. Даже когда город сожгли – беда большая. Но народ не побили. Не угнали никуда, не продали в рабство. И мы точно так же дважды сжигали Русу. Но потом помогали восстанавливать. Однако, с внутренним разделением город перед внешним врагом будет держаться лучше. А что касемо настроения каждого конца, то это и сейчас есть. У батюшки моего специально люди по разным концам города сидели, пригляд вели, кто что говорит, кто чем недоволен. Есть такой пригляд у городской стражи, что посаднику подчинялась, а отдельные люди у батюшки были. Здесь тоже нужно будет так сделать. Чтобы каждый конец города под присмотром был. И все вопросы решатся.

– Хорошо, я подскажу своим инженерам, пусть продумают твоё предложение.

А обозы все прибывали и прибывали. Других своих людей по мере прибытия Бравлин сразу отправлял на строительство землянок, где вагры перед наступлением темноты сменили женщин и детей. Но, поскольку сами имели дорожные палатки, то землянки начали строить не для себя, а для горожан. И даже смердов, которые рассчитывали весной получить новые земельные наделы, пока отправляли работать на горожан. Землю им обещал Гостомысл. Но он еще не стал князем. А княжич землей княжества распорядиться не может. Тем более, без разрешения посадского совета, с которым княжич еще не встретился, исключая отдельных бояр-советников, вышедших его поприветствовать. И князя Бравлина посадскому совету Гостомысл еще представить не успел. Был бы жив посадник Славена боярин Лебедян, он уже собрал бы других посадников, несмотря на всеобщую занятость, и как-то узаконил бы все, что делалось на пепелищах. Пока же боярин-советник Самоха взял сам на себя обязанности посадника, и пообещал Гостомыслу, что посадский совет соберется в доме у боярина Самохи в Людином конце через седмицу.

– А что так долго? – спросил присутствующий при разговоре князь Бравлин.

– Раньше никак не получится. Больше половины посадников от пожара в загородные имения разбежалась. У некоторых имения далеко. Кое у кого даже в Бьярмии, у некоторых в землях русов, у некоторых в землях кривичей. Пока еще их соберешь... Я гонцов уже начал отправлять... Завтра еще отправлю...

– А как так – в чужих землях имения? – не понял князь, и продолжал выпрашивать.

– От родни в наследие осталось. Кому через жену перешло, кому от других родственников. Мы же в здешних краях все породнены, невзирая на племя... Что уж говорить, если у нас княжна была хозаритянка... А у вас, в закатных княжествах, стало быть, не так есть?

Боярину не нравилось направление разговора, и он перевел разговор в другое русло.

– Всякое, наверное, бывает, – согласился Бравлин. – Вон князь-воевода Дражко, первый военачальник и соправитель князя Годослава у бодричей, он по материнской линии – наследник княжеского стола лужицких сербов. Да и бояре в других княжествах часто земли имеют. У меня у самого было поместье в Нордальбингии, хотя я там и бывал-то всего дважды за всю жизнь. Один раз только ночевал, во второй раз три дня охотился там, пока дела позволяли.

Гостомысл намеревался сначала поторопить боярина Самоху, и дать ему на сбор совета только пять дней, но напоминание о Велиборе, что недавно произвела на свет племянника княжича, сбило его с толку. Отпустив боярина, Гостомысл обмолвился несколькими словами с Бравлином, и направил коня к сотнику стражи городских ворот, чтобы узнать, в каком доме Людиного конца поселилась Велибора. А оттуда княжич намеревался отправиться и свою семью поискать. А то как-то нехорошо получалось, не по-доброму. Хотя воевода Первонег уже успел предупредить княжича, что Прилюда вместе с детьми от первой жены Гостомысла, ведет себя не как жена княжича, а как простая, пусть и знатная горожанка, и наравне со всеми работает на строительстве в городе. Но, имея теплое жилище в Людином конце, она не желала заниматься строительством землянки для себя, но расчищает пожарище на месте сгоревшего терема, чтобы сразу строить новый. Правда, пока все бревна, что привозили на лосях из леса, шли на землянки, и Прилюда не требовала леса для строительства княжеского терема. В первую очередь, как сама наказывала, и показывала своим примером, следовало устроить и обогреть простые городские семьи. Рассказал Первонег и то, как Прилюда им командовала. Но не в осуждение жене княжича, а даже с каким-то восторгом. А с пепелища она возвращается уже в темноте...

* * *

Князь Русы Здравень, вернувшись с другого берега Ильмень-моря к себе в город, сразу приказал собрать посадский совет. Сам выглядел сердитым и озабоченным, хмурил косматые

брови, и, не боясь растрясти жирок, нервно метался по горнице, и фыркал, как понюхавший что-то непотребное кот. Первыми явились городской воевода Блажен и посадник Ворошила.

– Ну, что ты мне наговорил про какое-то нашествие... – сразу прикрикнул князь на воеводу.

Тот повинно голову склонил.

– Когда гонец, княже, прискакал, ты уже уехал. По времени уже должен был до Славена добраться. Я уж вослед тебе посылать никого не стал. Сам ты все увидел. Ложная тревога. Вой из ближней крепостицы знакомых словен узнали. Подъехали, поговорили.

– Ладно... – устало отмахнулся князь Здравень. Его, похоже, сильно утомила поездка и последующие нервные метания по горнице. Уставшие ноги начали ступать неуверенно, и князь предпочел занять свое кресло на подиуме. – Что там нам этот воевода бьярминский толковал про больного Гостомысла. Этот... Славен... Жив княжич и здоров, чего и нам всем пожелал, хотя, похоже, не с добром. Зол на всех сильно. А как зол не будешь, когда такое на словен свалилось. Да еще в зиму, в морозы...

– Грустно ему начинать княжение так... – сказал посадник Ворошила. – С забот тяжких о тепле и доме для народа...

– Княжение... – повторил Здравень произнесенное посадником слово. – Вот о том я и позвал вас поговорить. – Знаете, с кем Гостомысл приехал?

– Говорят, с ваграми, которых король франков Карл разбил. Вагры, они какая-то дальняя родня словенам, как старики говорят, – объяснил воевода Блажен.

– А вагров кто привел? – продолжил Здравень задавать вопросы.

– Кто привел? Гостомысл, надо думать...

– Можно так и не думать, – сердито фыркнул Здравень. – Вагров привел их собственный князь Бравлин Второй. Тот самый умник и книжник, которого разбил, но не добил полностью король Карл...

– И что? – не сообразил тугодумный Блажен, чуждый не только всякой инициативы и действия, но даже мыслей об этом боящийся.

– А вот это уже интересно, – сразу понял мысль князя Здравеня хитрый, умный и пройдошливый посадник Ворошила. – А сколько войска пришло с Бравлином?

– Всего мои разведчики насчитали больше четырех тысяч в походной колонне. Из них, надо полагать, две сотни словен из тех, что в Гостомысле отправились к бодричам.

– А у словен, сколько здесь в наличии? Без бьярминских полков, которые далеко...

– Да столько же, примерно, – сообщил Блажен. – Может, сотен на пять меньше.

– Подерутся? – с надеждой спросил Ворошила.

– Если помочь, могут и подраться, – сделал вывод, к которому и вел дело с самого начала, князь Здравень. – Наша задача – заставить их подраться. Один из них – настоящий опытный князь. Но словене не захотят пришлого князя. А вагры, что прибыли с Бравлином, пожелают подчиняться своему князю, как они привыкли. Гостомысл – только княжич. И посадский совет еще не вручал ему символы власти. Значит, будет заседание посадского совета. Но посадник боярин Лебемян убит на пожаре. Лебемян был бы сторонником Гостомысла. А что другие посадники скажут, во многом зависит от нас. Многие из них владеют землей и домами в нашем княжестве. И сбежали в свои имения после пожара. С них следует и начинать. Нужно настроить посадский совет в пользу Бравлина. Тогда выиграет в Гостомысле чувство справедливости, и он поднимет свои полки. Я не могу судить о том, кто там будет победителем. Но, в любом случае, это уже не будет княжество, в два раза более сильное, чем оно было до пожара. И не будет опасным противником для нас. То есть, нам уже не нужно будет ждать, когда словене придут жечь Русу. Я верно все объясняю?

– Верно, княже... – улыбнулся Ворошила.

Сам посадник Русы не знал, что улыбка у него в такие моменты всегда выглядела подлой и лживой. Это была улыбка шакала. И никто не говорил об этом посаднику, опасаясь, что шакал может исподтишка и укусить, как и делает настоящий шакал...

* * *

Увидеться с Велиборой раньше, чем он встретился со своей женой и с детьми от первой жены, княжича Гостомысла заставляли некоторые обстоятельства его прощального разговора с князем Годославом. Князь Годослав тогда уже принял твердое решение в ближайшем будущем отказаться от христианства вернуться к обычаям предков, взять себе вторую жену, и признался, что отрок-предсказатель из его княжества сказал, что князь должен породниться со словенами. К моменту разговора Гостомysl уже знал, что Славен сгорел, его отец и брат погибли, а жена брата Велибора произвела на свет мальчика, которому дали имя Вадим. Именно о ней и возникла в голове княжича мысль. Он сразу и спросил князя бодричей, как тот отнесется к вдове его брата. Вдовство Годослава никак не смутило. Не смутило и то, что Велибора наполовину хозаритянка.

– У меня уже служит хозарин. Кат²² Ероха.

– Будет строптива, отправляй ее к соплеменнику, – согласился Гостомysl. – Мой брат был очень мягким по характеру человеком, он так поступить не мог. Хотя иногда необходимость, думаю, возникала. Не церемонься с ней сильно. Я в обиде не буду.

Тем не менее, Гостомysl считал необходимым заботиться о Велиборе и о ее сыне. Вернее, о сыне Вадимира, следовательно, и своем нетии²³. Это и Годослав понимал. Но это был не настолько спешный вопрос, чтобы решать его на ходу. А продолжить его в тот момент мешали люди. Вагри во главе со своим князем Бравлином Вторым уже сконцентрировались в Рароге²⁴, и готовились к отъезду. Лишь немногие пожелали остаться в столице бодричей. Годослав только пообещал:

– Мы к тому разговору еще вернемся. Ты пока сам подумай. И я подумаю... И с христианством я сразу, резко расстаться не могу. Это моя защита перед королем Карлом, и защита княжества со стороны самого Карла. Причина нужно. Когда что-то решу, я спешно сообщу тебе. Гонцом...

– Договорились. А я пока подготовлю Велибору. Чтобы мыслью уже свыкалась.

На том и расстались. Колонна отправилась в долгий путь. Но мысль эта Гостомысла не оставляла. Он знал, что ему предстоит стать не только князем племени словен, но и главой своего дома. И, как глава этого дома, как старший в роде, он обязан был заботиться обо всех своих родственниках. В том числе, и о вдове брата и его сыне Вадиме.

Найти нужный дом с подсказки сотника стражи ворот оказалось не сложно.

Велибора, как понял Гостомysl, устроилась весьма даже неплохо. Добрые люди, приютившие ее, по сути дела, добровольно пошли к ней в услужение, и во всем старались Велиборе угодить. Во-первых, просто по своему характеру, во-вторых, из уважения к погибшему княжичу Вадимиру, которого в городе всегда любили за приветливость и добрый нрав, в-третьих, из уважения к женщине, которая только недавно, в этом самом, как говорили, доме, произвела на свет сына. К молодым матерям и детям у словен всегда было особо бережное отношение и заботливость. Но хозяевам дома Гостомysl откровенно не завидовал, поскольку хорошо знал властолюбивый и требовательный характер Велиборы. И предполагал, что она уже успела его проявить. Это было бы вполне в духе княжны. По крайней мере, еще в снях Гостомysl увидел,

---

²² Кат – палач.

²³ Нетий (старослав.) – племянник.

²⁴ Рарог – столица княжества бодричей (ободритов), ныне немецкий город Мекленбург.

как топают ногами на дворовых людей чужого дома рабыня Велиборы старая труболетка²⁵ Бисения. Но, увидев Гостомысла, оставила дворовых людей в покое, всплеснула в испуге руками, и побежала внутрь дома, докладывая своей хозяйке о госте.

Хозяева дома были немолодыми людьми, тем не менее, как и другие жители Людинова конца, помогали погорельцам побыстрее построить хотя бы временное жилье. И в доме в отсутствие хозяев Велибора со своей рабыней чувствовали себя полноценными хозяевами. Впрочем, княжича Гостомысла это не удивило. Его больше удивило то, что Велибора не желает, как другие, отправляться на общественные работы, ссылаясь на то, что не может надолго оставить малого сына одного. С одной стороны, это была уважительная причина. Но ведь с княжной находилась ее рабыня, на которую ребенка можно было бы и оставлять. Однако сам Гостомысл не намеревался учить Велибору правильному поведению, хотя его жена и дети от первой жены физической работы не чурались. Он даже совет давать ей не хотел. И вообще Гостомысл рад был, что князь Годослав не воспротивился его предложению, хотя еще и не дал своего окончательного согласия, потому что терпеть в своем доме Велибору даже для такого мягкого и доброго человека, как княжич Гостомысл, было трудно. И он надеялся вскоре от нее избавиться хотя бы таким способом.

Гостомысл поднялся по той же лестнице, по которой только что поднялась Бисения, открыл дверь, и оказался в большой горнице, из которой три двери вели в какие-то другие покои. Не зная, куда пройти, и дожидаясь дворовых людей, которых присутствие княжича сильно смутило, и потому они медленно поднимались по лестнице, Гостомысл остановился у низенького окна, подернутого замысловатым морозным узором, и почти не допускающего возможности посмотреть во двор, где княжич передал дворовому человеку повод своего коня. Но княжна Велибора появилась из средней двери раньше, чем поднялись по лестнице дворовые люди.

Она, вопреки ожиданиям Гостомысла, не выглядела убитой горем вдовой.

– Здравствуй будь, брат, – сказала без приветливости в голосе то, что должна была сказать. – Как твое здоровье? А то мы все сильно за тебя беспокоились. Но моя Бисения бросала птичьи кости, и они сообщили ей о твоём добром здравии, и скором возвращении.

– Здравствуй будь и ты, сестра, – с легким поклоном ответил Гостомысл негромким своим голосом, не просто потому что за дверью слева раздавался плач ребенка, а потому что привык говорить так. Может быть, даже подспудно, в противовес своему отцу, но подражая матери, которая тихим спокойствием самое яростное возбуждение Буриевой обуздывала. – Если твоя труболетка уже сказала тебе о моем здравии, зачем тогда спрашиваешь... Но я все равно отвечу, что вернулся здоровее, чем уезжал в дальний край. Меня чувство ответственности делает сильнее, и не позволяет поддаваться слабости. Я сейчас один остался, и город в таком тяжелом положении, что даже женщины с малолетними детьми ходят на строительство... – он не удержался, и высказал свой справедливый упрек. Но Велибора не пожелала принять его в свой адрес. Она считала себя выше городских бед.

– Я рада за тебя.

– Племянник мой спешит с дядей познакомиться? – кивнул Гостомысл на дверь, из-за которой раздавался детский плач.

– С ним Бисения и кормилица. Сейчас покормят его, и вынесут тебе показать. Как-никак – это твоя родная кровь, брат. Я надеюсь, что ты проявишь о нем свою заботу.

– Можешь не сомневаться. Проявлю. И о нем, и о тебе. О тебе я уже начал проявлять, если, конечно, ты сама не будешь против моего предложения.

– Что за предложение?

---

²⁵ Труболетка – ведьма, колдунья, знахарка.

– У меня есть добрый друг – князь большого княжества бодричей Годослав. Слышала ты что-нибудь о нем?

– Только то, что ты к нему ездил, и сейчас вернулся. Большое у него княжество?

– Большое. Больше, чем наше вместе с княжеством русов. И сильное. Три с лишним года назад Годослав заключил договор частичной вассальной зависимости с королем франков Карлом Каролингом, который захватил уже, практически, всю Европу. Но тогда же Годослав был вынужден принять христианство. Когда Годослав находился при дворе Карла, и не имел возможности вовремя вернуться, на княжество пошел войной король данов Готфрид, которого поддержали мятежные бояре-советники. Это немножко не то, что наши бояре, но нечто общее есть. Жена Годослава княгиня Рогнельда, по рождению датчанка, и подданная Готфрида, чтобы спасти княжество от захвата, заманила в ловушку, и приказала убить своего отца герцога Гуннара, который и занимался устройством бунта бояр. Потом сама бунт очень жестоко подавила. А князь-воевода Дражко в течение одного дня дал два сражения, и разбил две армии данов, которые значительно превосходили его силы количественно. А Дания по силам может сравниться только с королевством франков или с Византией.

– И что же? – спросила Велибора.

– Беда в том, что после смерти отца княгиня заболела. У нее что-то с головой не в порядке, и она не может родить Годославу здорового сына, наследника княжеского стола.

– Ты предложил Годославу изгнать жену, и жениться на мне?

– Он не может ее изгнать, потому что заболела она, спасая княжество для своего мужа. Годослав – благородный человек, и не допустит подлости. А, как христианин, он не может иметь вторую жену. Хотя вторую жену и славяне берут редко, но все же наш закон это разрешает. Сейчас отказаться от христианства Годослав не может по многим политическим причинам. Но готов это сделать, и вернуться в веру предков. У него при дворе есть какой-то *видящий* отрок. И этот отрок сказал князю, что видит его мужем женщины из княжеского дома ильменских словен. Я сразу подумал о тебе. Ты согласилась бы стать второй женой князя Годослава?

– Я не очень понимаю, что такое вторая жена. Она тоже княгиня? Или наложница, как в народе... моей матери? – Велибора не решилась назвать хозар своим народом, и Гостомysl сразу уловил это. Своему мужу она говорила о хозарах откровенно, называя их – «мой народ». С Гостомyslм такой вольности себе не позволяла.

– Она тоже – княгиня. Официально, первая жена называется – правящая княгиня. Только я сомневаюсь, что она правящая, потому что волхвы вагров говорят, что Рогнельда не способна управлять даже собой и своими поступками, не то, что княжеством в отсутствие, предположим, князя. Как это было в тот раз, когда она приказала заколоть копьями своего отца, влиятельного сподвижника короля Дании Готфрида. К тому же у нее часто бывают приступы бешенства, когда она становится совершенно неуправляемой. Тогда она может на любого напасть, и только Годослава слушается.

Глаза Велиборы загорелись надеждой, но она, чувствуя это, сразу начала смотреть в пол, и только тихо ответила:

– Ты, брат, сейчас старший в нашем доме. Ты вправе распоряжаться моей судьбой по своему усмотрению. Как решить соизволишь, так и будет.

Все свершилось просто, хотя Гостомysl рассчитывал, что ему придется долго уговаривать Велибору. Однако ее легкое согласие тоже чем-то княжичу не понравилось, хотя он и не мог точно сказать, чем именно.

Подержав на руках племянника, которого ему вынесли, Годослав вернул его на руки кормилице, хотел выйти, но перед порогом обернулся, и сказал Велиборе достаточно твердо:

– Вообще-то, когда все жители города работают, когда даже моя жена с моими детьми работают, тебе тоже не мешало бы выходить в город. И хотя бы показывать, что ты со всеми

вместе, – и добавил еще серьезнее. – Право называться княгиней бодричей следует заслужить...

– Я завтра же присоединюсь к Прилюде, так и передай ей, – пообещала Велибора.

– Не забудь, – Годослав развернулся, и пошел из горницы. За ледяным узором, налипшим на оконное стекло, уже собирались сумерки. Скоро должна была вернуться из города Прилюда с детьми. Годослав спешил к ним...

Глава вторая

По завершению посадского совета посадник Русы Ворошила вышел не с воеводой Блаженом, с которым пришел к князю Здравеню, а с начальником городской стражи Перестаном, которому подчинялись городские соглядатаи. Обычно у Перестана собиралась информация о том, кто и что говорит в городе. Эти данные начальник стражи докладывал обычно самому князю Здравеню и посаднику, который настоял на том, что именно посадский совет оплачивает работу соглядатаев, а вовсе не княжеская казна, значит, его тоже должны ставить в известность обо всех настроениях людей. Пришлось даже пригрозить князю, что посадский совет будет оплачивать работу только собственных соглядатаев, которых собрать не сложно. Княжеская казна оплачивала службу только городской стражи, вообще-то входящей в княжескую дружину. А соглядатаи были людьми со стороны, простыми горожанами. Здравень, подумав, рассудил здраво, что посадник должен иметь доступ к данным, тогда и князю лишнее платить не придется. И согласился.

– Ты все понял, что князь приказал сделать? – спросил Ворошила.

– Конечно. Что ж тут не понять... Кто из посадников Славена имеет поместья в нашей земле – мне давно известно. Осталось только узнать, кто сейчас в поместье находится.

– Когда узнаешь?

– К утру все сообщу. Сразу людей соберу, дам задание. К утру все сойдется...

– Утром, до рассвета, со списком ко мне.

– А княже как же?

– Он все равно раньше обеда не проснется. А нам до обеда с этим списком еще поработать предстоит.

– Понял. Перед рассветом и приеду.

Расстались они во дворе княжеского терема. Ворошила сел в свой возок, задернул полог, и крикнул вознице:

– Домой.

Но у крыльца, выйдя из возка, Ворошила не стал подниматься по лестнице, а двинулся в нижний пристрой, где жили его дворовые люди. Заходить не стал, потому что в этом пристрое всегда, на вкус посадника, плохо пахло, только двери открыл, увидел в сенях человека в охапкой дров на руках, и приказал:

– Самовита ко мне... И пусть бегом бежит...

И ушел, не сомневаясь, что его приказание будет в точности выполнено. И даже дверь за ним закроют, чтобы посадник не утруждал себя лишним движением. В самом деле, сам Ворошила из-за возраста и тучности ходил медленно, и, пока он поднялся в свою горницу на второй этаж, пока раскрыл дверь, и сразу взял с подноса у дворовой девки жбан подогретого хмельного меда, что хорошо греет после мороза, Самовит догнал его, и остановился за порогом. Впрочем, это не помешало Ворошине мед выпить, и только этого махнуть Самовиту рукой, требуя пройти в горницу. Посадник дождался, когда закроется дверь за дворовой девкой с подносом, и сразу отдал приказ:

– Скоро стемнеет. Потому коня не жалея. Коня возьми любого, кроме моего. Скачи, что есть силы, пока не стемнело, в Славен. Срочно найди мне боярина-советника Самоху, и вежливо попроси обязательно сегодня же ко мне приехать. Дело отлагательства не терпит. Так и скажи...

– Уже еду...

– Все понял?

– Понял, посадник.

– Иди...

Самовит, длинный, жердеобразный и мосластый, вышел так, словно ходил на ходулях. Но посадник знал, что неуклюже он выглядит только внешне, а в действительности быстр и сообразителен. А, главное, в верховой езде необычно хорош. Какая-то у Самовита, как говорили, дружеская связь с лошадьми существует. Зря что ли у него у самого морда на лошадиную похожа! Такие вещи возможны, не сомневался Ворошила. И князь Здравень как-то рассказывал, что знавал некогда знахарку, которая умела с волками словом ласковым ладить. Они к ее лесной избушке собирались, знахарка кормила их, и посылала по своим надобностям. Волки искали ей в лесу травы, прибежали, говорили, и она понимала, где надо эти травы искать. Но, то волки. А здесь лошади. Однако одному дано с волками общий язык находить, другому с лошадьми. Так и следовало быть среди людей разных и видом, и характером.

Посадник Ворошила предвидел, что утром ему поспать никак не дадут, дел утром будет много. И потому решил лечь пораньше. Впрочем, в зимнее время все в доме посадника ложились рано. Но в этот раз он особо предупредил дворовых людей:

– Если ко мне кто пожалует или Самовит вернется, сразу запускать и меня будить. Без промедления, не то трепку вожжами устрою...

И отправился спать в свою комнату, не заглянув даже к своей старой больной жене, хотя обычно старался зайти к ней, проведать, и о здоровье спросить. Разбудили посадника глубокой ночью. Сообщили:

– Самовит вернулся.

– Где сам?

– Конягу после скачки обтирает. Поставит, войдет...

Ворошила знал, что Самовит в первую очередь о коне позаботится, и только потом доложит. Но, это уже само по себе значит, что срочного ничего нет. Срочное могло бы быть только в том случае, если бы боярин-советник Самоха или уехал куда-то, так, что ждать его не следовало, или по какой-то другой причине приехать не может. Простыл, и слег – вот и причина для зимней поры весьма расхожая. Но, если Самовит не торопится, значит, Самоха пообещал приехать.

Так все и получилось. Самовит поднялся на второй этаж, вошел в горницу, когда Ворошила уже облачиться в свои обычные одежды успел, и сразу сообщил:

– Пообещал только одеться, и сразу выехать... Скоро, стало быть, прибудет...

И едва стих скрип половиц под ногами вышедшего гонца, как по бревнам двора застучали копыта. Кроме, как боярину-советнику Самохе, прибыть было некому.

Самовит и проводил боярина к посаднику, который уважительно встал при входе гостя. Птица этот боярин не великая, но уважение любит, и тщится постоянно важным показаться. Тем не менее, и про важность свою сразу забывает, когда носом слышит звон монет. Знает, где ему может перепасть, и стремится туда без сомнения, как ястреб на болотную лягушку. Так-то, что бы ему спешить в соседнее княжество, в другой город? Но он понимал, что в сложившейся ситуации он может хорошо заработать, и по первому зову отправился в темень, в ночь, невзирая на ветер, что всегда гулял по открытому замерзшему пространству Ильмень-моря. Конечно, это все стоило оценить и оплатить, понимал посадник Ворошила. При этом знал и то, что платить он будет не из собственного кармана, а из посадской казны, всегда хорошо пополняемой купцами.

Приехал боярин Самоха не в обычной своей богатой соболиной шубе, надетой на расшитый золотом кафтан. Так он у себя в городе ходил, показывая всем свою знатность и богатство. Сейчас на Самохе был простой мужицкий овчинный тулупчик, перепопоясаны кушаком, и заячий треух на голове. И, чтобы узнать боярина в этом наряде, следовало его хорошо знать. Но Ворошила такое переодевание одобрил. Лучше, если никто знать не будет, что знатный советник посада Славена встречается ночью в посадником Русы.

– Звал, посадник? – спросил боярин, вытерев рукавом нос. Но с мороза не только нос, а даже язык у него работал плохо. Слова звучали не совсем внятно, хотя и понятно. С наступлением темноты морозы подступали уже не шуткующие, и это ощущали все. Наверное, даже в землянках с печками люди в Славене долго не могли согреться.

– Звал. Меду горячего хочешь? Или сбитень²⁶ предпочтешь? С морозца-то...

– Лучше сбитень, если позволишь.

– Самовит, там самовар вскипел, принеси боярину сбитень.

Самовит вышел, а посадник молча показал боярину-советнику соседнего княжества на скамью по другую сторону стола, жестом предлагая присесть в ожидании горячего напитка. Самоха размотал кушак, распахнул тулупчик, под которым оказался еще и армяк из верблюжьей шерсти, какие бедные простолюдины носят вообще вместо тулупчика или шубы. Так боярин запустил тепло под одежду, чтобы быстрее согреться. А принесенный жбан горячего сбитня одновременно начал согревать тело и изнутри. Ворошила жестом отослал Самовита, и ждал, когда Самоха хоть слегка согреется, и сообщит об этом.

Ждать пришлось не долго. Горячий сбитень всегда согревает быстро.

– Что ты хотел, посадник? – боярин уже обрел устойчивый дар речи, и хотел, похоже, быстрее перейти к делам. Ворошила хорошо понимал, что Самохе хотелось в темноте, никем не узнанным, вернуться в свой дом. Для того он и переоделся, чтобы остаться не узнанным.

– Ты приехал верхом? – спросил посадник.

– Нет, конечно. В возке...

– Возница у тебя надежный, болтать не будет?

– Не будет. Я сам за возницу. Мой возок в городе хорошо знают. При выезде заглядывали за полог. Спросили, где боярин. Я сказал, что отпустил меня на ночь к жене съездить, детей навестить. Нормальное дело.

– Это хорошо. Возвращаться через те же ворота будешь?

– Конечно. Там уже знают, что я вернуться должен. А зачем мне вообще через другие ехать. Внешние ворота в Людином конце одни. Так, что за надобность во мне?

– Надобность большая, – серьезно сказал Ворошила, глядя боярину в смурные и честные воровские глаза, и тут же переложил со своей лавки на стол перед Самохой мешочек с золотыми монетами. Боярин легко различал звон золота, и звон серебра. И потому сразу понял, что мешочек очень даже ценный. На такую сумму можно большой участок земли купить, да, пожалуй, если поторговаться, то и с домом впридачу. – Это только половина. Вторая половина, как сам понимаешь, будет после завершения дела. А сумма получается такая, что требует удачного завершения дела. Такого завершения, которое ты закажешь...

– Что я должен заказать? – боярин-советник и сам понимал, что такие деньги за какое-то пустяковое дело платиться не будет, и потому в голосе у него прозвучала опаска. За дело, которое ему самому угрожать последствиями будет, боярин Самоха братья не желал.

– Что говорят ваши словенские установления относительно выборов князя?

– Они говорят, что выборы должны проходить раз в десять лет. Хотя я и не припомню, когда в последний раз такое было. Вече мы собирали, но по другим вопросам.

– Например?

– Например, посадский совет не хотел выделять Буривою деньги на войну в Бьярмии. Буривой потребовал собрать вече. Перед этим сам обратился к старшинам всех концов города. Собрал их у себя в тереме, не пригласив и даже не пустив туда членов посадского совета. В итоге вече решило вопрос в пользу Буривой. А нескольких бояр даже побили, и грозились с моста в Волхов сбросить.

---

²⁶ Сбитень – старинный восточнославянский напиток из меда, воды и пряностей с лечебными душистыми травами. Зимой готовился в самоваре, и принимался для согревания и профилактики простуды. Летом и в бане пился холодным, «со льда».

– Да, у вас же большое вече всегда на мосту проходит... – усмехнулся Ворошила. – Наверное, специально, чтобы было куда несогласных сбрасывать.

– Наверное, – кивнул Самоха.

– А сейчас что планируется?

– У нас погиб посадник, и князя тоже пока нет. А собрать вече может только посадник и князь. У посадского совета нет таких полномочий... Положение почти безвыходное. Замкнутый круг, из которого трудно выйти, – боярин замолчал, и было видно, что он не все высказал, но сомневается, говорить ли ему. Взгляд Самохи перебежал с лица Ворошилы на мешочек с золотыми византийскими, видимо, монетами²⁷. А в голове, должно быть, взвешивались возможные варианты интереса Русы, с одной стороны, и стоимости монет, с другой. Так и не определив даже мысленно интерес соседнего княжества, боярин-советник собрался говорить дальше, выведывая, что от него хотят, и намереваясь принять решение только тогда, когда все станет ясно. Самоха не хотел быть врагом самому себе, и браться за дело, которое было выше его сил.

А свои силы боярин-советник оценивал вполне здраво, хотя хотел выглядеть более могущественным и влиятельным, чем был в действительности. Но, как правило, за дела, которые были выше его возможностей, Самоха не брался. И Ворошила это знал, потому что встречаются они в этом доме не в первый раз, и разговоры между деловыми людьми бывали всякие.

– Продолжай... – потребовал Ворошила, хорошо понимая состояние собеседника. Он его возможности знал, наверное, даже лучше, чем сам боярин Самоха.

– Княжич Гостомysl, как только прибыл, сразу имел со мной беседу...

– И о чем договорились?

– Гостомysl пожелал как можно быстрее стать князем. Для этого посадский совет даже раньше, чем выберет нового посадника, должен вручить княжичу символы власти – меч и щит.

– А где они?

– Они были привезены в Славен после смерти Буривого, и переданы на хранение мне. Символы власти находятся в моем доме.

– Что за спешка такая?

– Гостомysl хочет княжеским указом уравнивать словен и приехавших с ним вагров, а вагрским смердам выделить землю. Одним словом, желает сразу удвоить свои силы.

– И что же дальше? – с легким пренебрежением спросил посадник Русы. – Насколько я понимаю, наши с вами законы были установлены еще братьями Славеном и Русом. Некоторые законы потом трансформировались, изменялись, в зависимости от обстановки. Но, понимая свои законы, я понимаю и ваши. Изменялись они, практически, одновременно, и в одну сторону у нас и у вас. Есть маленькие разногласия, но они не существенны. В большом все совпадает. И из моего знания закона получается, что, если не сам Буривой передал сыну символы власти, то посадский совет не вправе делать это? Даже простая передача власти по наследству не допускается. Допускается только в том случае, если князь убит или ранен на поле боя, и его место во главе полков занял наследник. Тогда он и становится правителем княжества. Так уже не установление, а традиция говорит. А вообще, выбирать князя – это привилегия вече...

– По большому счету – это так. Хотя Гостомysl, как я его понимаю, настроен получить символы власти от посадского совета. И даже хотел заставить меня собрать посадский совет как можно быстрее.

– Когда?

---

²⁷ У славян в ходу были только серебряные монеты. Золота в северо-восточных славянских землях было мало, и ход имели, в основном, византийские золотые монеты, стоящие намного больше серебряных, завозимых купцами из Западной Европы. О медных деньгах и речь не шла. Свои монеты восточные славяне не в ту пору еще не чеканили, записывая долги на «нос», как звали деревянную дощечку с зарубками на ней. Отсюда выражение «заруби себе на носу», то есть, запомни твердо. Основной поток монет в земли восточных славян шел из Византии, а позже из Золотой Орды.

– Через пять дней.

– И что?

– Я взял седмицу, потому что многие посадские советники разъехались по загородным именьям. И чтобы собрать всех, требуется время.

– Слишком малый срок ты взял. Нужно было брать две седмицы.

– Тут дело такое, что все мы воспитаны Буривоем, и ждем от его наследника бури в случае несогласия. Это привычка. Наверное, можно было брать две седмицы, и Гостомысл не возразил бы. Только больше просить было нельзя, потому что княжич мог бы заподозрить неладное.

– А что он мог бы заподозрить? – невинно, и с неприкрытым интересом спросил Ворошила.

– Что его хотят лишить княжеского стола, – сердито, хотя и приглушенным шепотом ответил боярин Самоха.

– Кто? – удивился посадник Русы.

– Члены посадского совета.

– А он хочет стать князем, вопреки закону? Он что, не знает закон? Тогда вече вправе изгнать его. Случаи уже бывали...

– Знать должен. Он человек грамотный. Но и в Гостомысле тоже живет привычка. Он уже привык считать себя будущим князем, и полон уверенности, что все так и будет. Да и обстановку в городе он знает. Кроме него, возглавить Славен некому. Из бояр никого князем выбрать невозможно. Друг друга съедят, и не уступят один другому. Если кто-то захочет, много людей на лед с моста сбросят, драки по кварталам пойдут...

– Тут разговор не о боярах идет...

– Я тебя понимаю, посадник. Но, думаю, что деньги здесь не помогут. Народ Славена не захочет видеть князем Здравеня, – боярин Самоха сказал это твердо и с несчастным вздохом отодвинул от себя мешочек с золотыми монетами.

– Речь не идет о Здравене, – Ворошила протянул руку, и подвинул мешочек снова в гостю.

– Тогда я просто не понимаю, чего ты хочешь.

– Может быть, ты даже прогадал, не согласившись на пять дней. Княжич Гостомысл прибыл в Славен не один. Князь Бравлин Второй – самостоятельный и опытный человек. И он, наверняка, сам желает стать князем Славена. Или Нового города, который он желает построить и назвать его не Старгородом, как называлась столица вагров, а Новгородом. Большой сильный город, в котором поселятся два народа, уважающие друг друга.

Боярин Самоха явно был озадачен таким предположением посадника Ворошиллы.

– Да, Бравлин – уважаемый князь. И уважаемый в своем народе, может быть, больше, чем в нашем народе был уважаем Буриовой. И наши люди с первого же дня к нему присматриваются. Мне уже говорил воевода Первонег, что Бравлин всем командует. Спрашивает разрешения княжича Гостомысла, и тот соглашается, легко дает себя уговорить. Даже для Гостомысла Бравлин значит много. И уважение Гостомысла заметили простые словене. Но Бравлин из чувства благодарности не захочет противопоставить себя Гостомыслу. Я разговаривал и с тем, и с другим.

– Посадник Лебедян сумел бы поставить дело так, чтобы в Словене был сильный князь.

Ворошила вздохнул непритворно. Он не сотрудничал с посадником Лебедяном. Вернее, тот не желал с Ворошилой сотрудничать, будучи целиком и полностью преданным своему городу и своему князю, и блюдя их интересы. Но кто сейчас скажет об этом боярину Самохе! А Самоха всегда Лебедяну завидовал, и считал, что сам мог бы быть посадником, может быть, даже лучшим, в силу своего более молодого возраста и, следовательно, человеком с большей жизненной энергией, с более современным взглядом на саму жизнь города.

– Что-то ты сказал о пяти днях... – напомнил боярин.

– Да. За пять дней, если посадский совет и вече провести в это время, не успеют подтянуться полки из Бьярмии. Тогда у людей Бравлина будет простое численное превосходство. И они выберут князем именно Бравлина. А потом, когда полки подтянутся, уже будет поздно разбираться... Бравлин получит от посадского совета символ власти, и полки будут обязаны подчиниться ему.

– А Гостомысла куда ж?

– Можешь хоть на свалку, вместе с мусором. А еще лучше, пусть живет в почете. Он – человек не бедный, и беззлойный. Сделайте его воеводой города взамен старика Первонег. Тем более, Первонег провинился – позволил город сжечь. Но это уже вопрос князя и посадского совета, в котором ты, надо полагать, посадником станешь.

– Бравлин – князь. Гостомысл – воевода. У того и у другого свои сильные полки. А не столкнутся они? Не перебьют друг друга?

Самоха спрашивал, хотя сам уже разгадал хитрый замысел варягов – столкнуть словен с ваграми на поле боя, и самим потом остаться самой большой силой окрест Ильмень-моря. Но своих подозрений хитрый боярин открыто высказывать не стал.

– Они друг к другу, как ты сам говоришь, слишком хорошо относятся, чтобы в сечу вступить. Словами, думаю, крепкими обменяются, может быть, дружить перестанут, но это тебе, как посаднику, только на руку будет. Если они враждовать начнут, тебе легче будет словенами управлять. По своему усмотрению. Да и ваграми тоже...

– Тогда я не понимаю, в чем здесь выгода Русы... – признался Самоха. – А наши соседи, насколько мне известно, без выгоды пальцем не пошевелят.

– Выгода здесь есть и может быть только одна. Ты сам, наверняка, слышал уже много раз, что весной следует ждать нашествия хозар...

– Слышал. Всегда отбивались, и в этот раз отобьемся.

– Если только стены построить успеете. Гостомысл не успеет. А Бравлин успеет. Он с собой, мне докладывали, целую толпу градских инженеров привез. Он более опытен, чем Гостомысл. А еще, наша разведка из Бьярмии доносила, урмане со свеями объединяются, и в наши земли зимний поход готовят. Урмане еще сомневаются, а свеи готовы хоть сейчас выступить. Урмане, похоже, только на весну нацеливаются. Но тоже все понимают – кто раньше нападет, тот больше и заберет. А нам... Против тех и других одновременно драться – тяжело. И потому Русе выгодно иметь сильного соседа. Помощь соседнему княжеству, забота о нем – так работает наше чувство самосохранения. Понятно я объяснил? Так что скажешь, боярин? Сможешь побыстрее совет собрать, и вече провести? До того, как полки из Бьярмии явятся. Вече до посадского совета...

Боярин-советник думал не долго, и вместо ответа взял со стола, и под кушак отправил мешочек с золотыми монетами. Посадника Ворошилу такой ответ удовлетворил. Действие было несомненно яснее, чем самые красноречивые слова.

– Пять дней. Не раньше, и не позже... Раньше ты членов своего совета собрать не успеешь.

– Никак не успею...

– Может, сам в сани сядешь, да съездишь за теми, кто дальше других от пожара убежал? По дороге и поговорить с человеком сможешь. А кто с тобой не согласен будет, тот пусть и не доедет до дома. Все одно половину совета собрать сможешь. Это уже по закону будет. А у каждого члена совета своя поддержка на вече. Что они скажут, так вече и решит.

– Да, пожалуй, я съезжу, и даже знаю к кому. И пару десятков воев охраны с собой возьму. Верных людей. Что скажу – они сделают, что велю забыть, то и забудут.

– Вот и хорошо. Тех, кто в нашей земле поместья держит, не дергай. Я сам с ними побеседую. У меня найдется для каждого нужное слово. А пока сбитня на дорогу выпей, и поезжай, пока время темное...

Боярин Самоха встал. Ворошила постучал кулаком по столу. В ту же секунду, словно рядом стоял, в дверь вошел Самовит, выслушал приказание Ворошилы, молча и неуклюже вышел, и уже через мгновенье вернулся с подносом. Принес два жбана горячего сбитня. Видно, самовар со сбитнем так и держали горячим. Баклажки предназначались для хозяина и для гостя. Они сразу и выпили. Сбитень был терпок и приятен на вкус.

– Хмельного меда не предлагаю. Ты сразу отказался. И правильно. Когда сам санями правишь, лучше без хмельного ехать. Тем паче, в ночь. Ночная дорога тяжелая. Случись что, помочь некому будет. Да по льду и метет, кажется. А мечом ты зря не опоясался. Дорога по нынешним временам опасная. С твоим-то мешочком...

– У меня меч под облучком²⁸ лежит. Я за себя постоять сумею. Не бойсь, посадник, я еще не стал ни телом, ни духом...

– Тогда сделай все, как надо.

– Сделаю...

* * *

Как и что получилось там, на льду Ильмень-моря, боярин Самоха толком и не понял. Лошадь бежало ровно и ходко. Дорога была проложена плотная, укатанная полозьями саней и утоптанная копытами лошадей. Снег по краям дороги возвышался небольшим, ниже колена сугробом. Боярин слегка задремал. Он привык ночами спать, и бодрствование давалось ему с трудом. Впрочем, это боярина не сильно беспокоило. Когда дорога есть, легкая поземка, что метет по льду, не мешает лошади почувствовать под подковами укатанный наст, и она, в любом случае, довезет его до ворот, из которых не так давно выехала, и никогда не свернет на девственный снежный покров льда. Значит, и дремать можно без страха. Но все же глаза время от времени открывались, и смотрели вперед. Где-то там, на берегу, догорали последние костры. Это пришлые вагры поставили свои палатки, и между ними на открытом огне готовили себе пищу. У них, видел Самоха сам, и походные печки есть для палаток, но готовить они любят на костре. Так быстрее. А печь для тепла. Вагры давно уже улеглись спать, но костры еще догорают. Их изначально разводили большие и сильные, чтобы согреться и после дороги, и просушить пропитанную потом после работы одежду. Благо, кормить пламя было чем. С сосновых стволов срубали все ветки, и в костер их бросали вместе с хвоей. Это давало много белого дыма, но и много тепла вокруг костра. Смолистые ветки горели хорошо. За ваграми боярин Самоха наблюдал, когда еще только выезжал из ворот Людиного конца, отправляясь в Русу на разговор с посадником города Ворошилой. Костры и помогли определить, какое расстояние Самоха уже проехал, и какое еще осталось преодолеть. Убедившись, что к своему дому он неуклонно приближается, Самоха снова закрывал глаза, и дремал, даже лошадь не подгоняя.

Но в очередной раз он открыл глаза как раз в самый непонятный момент. Посмотрел привычно вперед, в сторону костров, и только краем глаза уловил, как что-то большое лохматое и темное взметнулось из-за мелкого сугроба, и метнулось в сторону саней. Мысль появилась только одна – ведмедь напал. И даже не подумалось о том, что зимой ведведю положено глубоко в берлоге спать. И предпочитает ведмедь не открытое ледяное пространство, а леса, которых в округе множество. Но и соображать что-то у боярина времени не было. Что-то тяжелое ударило его по голове, и свалило с саней в снег. Но лошадь, которая ведмедя испугаться должна, не понесла во всю прыть, а остановилась, словно чья-то крепкая рука ее под узду взяла...

В сознание боярин вернулся не сразу, а когда вернулся, осознал себя лежащим лицом в снегу. На его спине сидел кто-то, и при попытке повернуть голову сильно ткнул кулаком в заты-

---

²⁸ Облучок – передок саней, повозки, место, на котором сидит возница, кучер.

лок. Затылок и без того сильно ломило, впрочем, как и всю голову, и удар этот показался чрезвычайно болезненным и чувствительным. Самоха был опытным человеком, и потому никогда не лез в гору, если гору можно было обойти. По крайней мере, он сразу понял, что лучше ему не оборачиваться, и не пытаться посмотреть себе за спину. Лежать лицом в обжигающем жестком снегу не имя возможности ничего видеть, не слишком приятно, но это не мешает дышать, а когда по голове бьют – это неприятнее стократ, и может вообще дыхания лишит. И боярин предпочел снежные муки переносить, но побережь голову. Ей и так уже основательно досталось. Кто-то, видимо, одним ударом сбил его с облучка. Ударил сильно, как бил князь когда-то Буриной, когда убивал своим кулаком ведмедей.

И тут же, словно в ответ на его воспоминания о покойном князе Буриной, так не вовремя в голову пришедшее, боярин услышал голос этого самого грозного князя.

– Ну, боярин, давай, расскажи-ка нам, куда ты ездил и зачем... И без утайки, а то иначе просить тебя буду. Кайся! Кайся!

Вот тут боярин Самоха полностью потерял самообладание и контроль за ситуацией. Совсем, казалось, недавно, он, по рангу своему, какое-то количество шагов нес на свежий срез холма неподалеку от Перыни²⁹ носилки с телом княжича Вадимира, а другие люди несли рядом носилки с телом князя Буриной. Сам Самоха Буриной не рассматривал, но ни мгновения не сомневался, что на холм выносят именно его тело. Там, на свежем срезе холма была установлена домовина³⁰, в которую помещались носилки с телами, обкладывались хворостом, и все это поджигалось. Когда костер прогорал, люди несли на холм земли, и засыпали кострище выше первоначального уровня холма. С этих пор холм переставал быть холмом, а назывался уже могильей³¹. Тело Буриной сожгли вместе с телом княжича Вадимира. А дух князя, значит, остался неприкаянно летать над городом и над Ильмень-морем?

От осознания такого факта перепуганному боярину Самохе вовсе расхотелось вынимать свой нос из колючего снега.

И уж, тем более, всякое желание обернуться напрочь пропало. Кто в здравом уме пожелает с духом умершего взглядом встретиться? Что знает тот взгляд? Суда по вопросам и по приказанию каяться, знает много, если не все. Может быть, дух умеет даже мысли читать.

– Говори... Будешь говорить, голова твоя тухлая? Или оторвать тебе ее! Кайся!

– Все скажу, княже, не суди строго. Все скажу...

Мороз тоже, казалось, должен был сковать язык боярина, и мешать ему говорить разборчиво. Но откуда-то изнутри пришел в голову жар, который язык согрел за мгновение. И боярин Самоха заговорил, находясь все еще в странном положении, когда нос торчит в сугробе, и на бороде и усах снег висит. Говорил много и доходчиво, все объясняя, хотя речь его была торопливой. Оно и понятно, чтобы очистить рот от снега, требовалось все высказать быстрее...

---

²⁹ Перынь – большой холм близ Славена (Великого Новгорода), где находилось главное словенское капище Перуна. Рядом с капищем хоронили только князей и наиболее знатных, заслуженных горожан.

³⁰ Домовина – сруб, впоследствии так же стали называть гроб.

³¹ Могыла – погребальный холм, от которого и произошло слово «могила».

Глава третья

Дворовый человек негромко и осторожно постучал в дверь спальни светелки Прилюды, жены Гостомысла. В эту ночь, только днем вернувшись из долгой поездки в закатные страны, княжич пришел к молодой жене, и, если его побеспокоили, значит по очень важному делу. Дворовый человек был из княжеской прислуги, не из прислуги хозяев дома, которые уступили молодой княжне и детям княжича свои покои, а сами жили в покоях домовых слуг. Местная прислуга, переселившаяся в холодный пристрой, не решилась княжича будить, но разбудила прислугу княжеского дома. На стук в дверь вышел сам княжич Гостомysl.

– Что случилось.

– К тебе, княжич...

– Кто?

– Князь Бравлин со срочным делом. Велел будить...

– Принеси князю мед или сбитень, что попросит... Я только оденусь, и выйду.

Одевался Годослав, в соответствии со своим возрастом, недолго, хотя никогда неаккуратности в одежде не допускал. И вышел в горницу. Там князь Бравлин сбросив свой багряный плащ на скамью, сидел рядом, уперев локти в толстую столешницу, и небольшими глотками потягивал из берестяной баклажки горячий сбитень.

– Что-то тебе, княже, не спится в наших землях...

Князя Бравлина поселили в хорошем доме между домом знакомого ему сотника стрельцов-словен Русалко и домом боярина Самохи. Сам Самоха и договорился с хозяином, богатым скоповым³² купцом Вечинегом, тоже членом посадского совета.

– Хотел было уже лечь, разоблачился, но тут твои люди озадачили. Разбудили почти. Тебя от молодой жены отрывать не хотели – уважают молодое дело, решили старика озадачить, а я уж к тебе заявился. Понятно, не из неуважения, а по срочности и важности, которые сам определил...

– Что так? Дело настолько срочное?

– Срочное...

– Говори...

– Сотник Русалко постучал. Сообщил. К нему родственник его заглянул. Из Русы. Некий Самовит. Служит посыльным в доме посадника Русы Ворошилы...

– Хороший родственник. Да, я слышал, что у Русалко сестра старшая замужем в Русе. Наверное, за этим самым Самовитом. У Русалко родители рано умерли. Их всех, детей-сирот, старшая сестра воспитывала. До сих пор к ним, как к детям относится. Брат мой, Владимир, ее хорошо знал. По ее просьбе и взял к себе Русалко. А потом и сотником его сделал. Уже без просьбы. Так что этот Самовит?

– Подожди. Про Самовита потом. Скажи мне, что за человек боярин Самоха?

Гостомysl плечами пожал. Он всегда старался быть аккуратным в оценках людей.

– Батюшка мой не любил его. Скользкий очень. Много о себе думает. Помнится, посадник Лебедян его тоже не любил. Даже не доверял. До серьезных дел не допускал. Кажется, Самоха на Лебедяна батюшке доносил. А что тебе боярин?

– Посадник Русы Самовита послал за боярином Самохой. Велел срочно к нему явиться.

– Так вот и распоряжается Ворошила нашими боярами? Ночами вытребывает?

– Так вот и распоряжается...

– Но это даже интересно. И что?

---

³² Скоповый купец – оптовый купец.

– Я с Самовитом говорил. Сговорились с ним так, что он боярину все передаст, а ты, если захочешь, людей пошлешь за ним проследить. Как боярин назад поедет, Самовит на верхнее торцевое окно посаднического терема лучину поставит. Этот сигнал будет из-за стен видно. Люди смогут на льду остановить боярина, и спросить, что за дела тот ведет с Ворошилой.

– Дело говоришь. Пусть Русалко людей подберет. Я распоряжусь.

Князь Бравлин постучал по столу костяшками пальцев. За спиной Гостомысла дверь заскрипела. Кто-то вошел.

– Что велишь, княже?

У княжича Гостомысла от этих слов по телу прошла такая дрожь, что Бравлин не мог ее не заметить. Он заметил, и сразу спросил:

– Что с тобой, княжич, тебе нехорошо?

Бравлин помнил о том, что лив Рунальд, жалтонес³³, что лечил Гостомысла после ранения отравленной стрелой, остался в Вагрии в своей лесной избушке рядом с тяжело раненым воеводой вагров Веславом, которого нельзя было пока перевозить, и обещал приехать, как только Веслав сможет в седло сесть. И если болезнь княжича вернется, то здесь помочь ему будет некому, и потому Бравлин беспокоился, часто к Гостомыслу приглядываясь.

Гостомысл, замерев без движения в ночной тишине дома, медленно начал оборачиваться. Настолько медленно, что казалось, он боится обернуться, и увидеть за плечом нечто страшное. Глаза при этом держал не мигающими, и широко раскрытыми. Но, наконец, княжич обернулся, и увидел обыкновенного воя-вагра из княжеской свиты.

– Ну-ка, молви еще что-нибудь... – попросил Гостомысл.

– Что молвить, княже? – спросил вой.

– Что случилось? – не понял князь Бравлин.

Гостомысл уже успокоился. Дверь снова открылась, и вошел Русалко. Подсказал:

– Да, слышал я, что бывает такое...

– Что бывает? – переспросил князь вагров.

– Голос – один к одному. Это голос моего батюшки князя Буривого, – объяснил княжич Гостомысл, приходя в себя.

– Да, княжич, я сразу это заметил, – согласился Русалко. – Только сказать не осмелился, чтобы дух князя Буривого не тревожить.

– Я просто простыл в дороге, – признался вой-вагр. – Горло застудил.

– Да, у него обычно другой голос, – признался и Бравлин.

– Но сейчас эти нужно использовать, – сразу сообразил Гостомысл. – Боярина Самоху припугнуть. Только так, чтобы он самого воя не видел...

Русалко улыбнулся.

– А что! Я, услышав этот голос из темноты, тоже напугался бы. А я не из самых пугливых человечков в своем племени.

– Давайте вместе обдумаем, что нужно сделать... – сразу принял решение Бравлин...

* * *

Гостомысл в спальную светлицу к жене заглянул только на минуту. Предупредить. Но Прилюда понимала, какие времена настали, и чем ее муж занят. И княжич вскоре вернулся к Бравлину. Вдвоем они молча сидели в горнице, ждали. Первым пришел сотник Русалко, который сам на лед Ильмень-моря не поехал, поскольку боярин Самоха хорошо знал сотника и в лицо, и голос его знал, и потому Русалко мог бы все дело испортить. Но поехали верные

---

³³ Жалтонес – у прибалтийских языческих племен, младший жрец, заклинатель змей, знаток ядов.

люди из сотни Бобрыни и вои князя Бравлина, кто говорил без прибалтийского акцента, и кого можно было легко за словен принять.

Русалко с улыбкой доложил:

– Боярин вернулся. Перепуганный, всклокоченный, без конца оглядывался, словно на него с ворот бревно упало, и новое упасть грозит. Шапку в снегу потерял, не поднял. Как приехал, ногами в ворота заколотил. Быстро возок в ворота загнал, лучины во всех комнатах запалил. Дома сидит. К воротам дворовую стражу поставил. Чтоб никого не пускали. Послал человека на капище в Перынь. Не знаю уж, зачем. Но так дворовые стражники сказывали. Можно к воротным городским стражникам послать. Они должны были спросить, кто и куда ночью отправляется, и с каким делом. Просто так они не пропустят...

– Не надо. Потом узнаем. С Ильмень-моря вестей нет?

– Вот-вот, думаю, воротятся. А вон, должно, и они...

Из-за окна слышался шум голосов, и стук копыт. Кто-то приехал.

– Веди их сразу сюда, – распорядился князь Бравлин.

Русалко вышел. Походка у сотника была пружинящая, сильная и быстрая. Годослав всегда добрым словом вспоминал брата Вадимира за то, что тот для охраны старшего брата отдал в поездку к бодричам свою сотню стрельцов. Теперь это уже была личная сотня стрельцов Гостомысла. И сотник в этой сотне оказался таким, на которого княжич всегда мог положиться – верным и надежным, не знающим страха, и неуступчивым в бою. А, главное, казался преданным Гостомыслу всей душой, как раньше был предан Вадимиру, и готовым выполнять любые поручения княжича. Причем, выполнял их с полезной выдумкой, и даже в большем объеме, чем просили.

Русалко вернулся вскоре вместе с семеркой воев, что была отправлена на лед встречать там боярина Самоху. Трое должны были верхами перехватить возок, если тот прорвется через пешую засаду. Четверо ждали на дороге. Еще когда обсуждали предстоящее дело, Гостомысл высказывал сомнение – слишком уж открытое место – ледяной покров Ильмень-моря. Обзорность хорошая. Осторожный человек всегда будет по сторонам смотреть, а не только вперед. А боярин Самоха, если предательство задумал, о чем говорил и наряд, который он на себя напялил, обязан осторожность соблюдать. Снега в этом году много навалить не успело. Да и сдувается снег со льда ветром. Но опытные вои не сомневались, что смогут в ночи остаться незамеченными. Тем более, ночь выпала безлунная. Да и легкая метель, что временами начиналась, потом прекращалась, потом начиналась снова, должна была бы стать хорошим покрывалом.

Так все и получилось. С собой, чтобы не вмерзнуть в лед, вои взяли шкуры. Две шкуры ведмедя, одну шкуру ошкуя³⁴. В них и завернулись в ожидании. Судя по рассказам, ждать пришлось долго. Вои, хотя вместо кольчуг и доспеха одели обычные для горожан теплые меховые одежды, все же замерзнуть успели. Но потом прискакал верховой наблюдатель, что смотрел на верхним окном в торце дома посадника, и вместо слов просто махнул рукой. Стало понятно, что боярин едет. А к его встрече уже было все подготовлено. Один должен был сразу взять под уздцы коня, причем, остановить коня требовалось на бегу, и сделать это требовалось очень быстро. Сразу решили, что просто прыгать, и цепляться за удила – дело опасное и ненадежное. В темноте легко промахнуться, даже обладая необходимой ловкостью. Тогда по человеку сначала «пройдутся» подкованные копыта коня, а потом и полозья саней. Решили просто набросить на голову коня шкуру ведмедя. И, вместе со шкурой, просто обхватить голову. Это коня должно остановить. Если не остановит, остановить должны были трое конников, что дежурили чуть дальше. Вторую шкуру предполагали сразу набросить на боярина, чтобы он ничего больше

---

³⁴ Ошкуй – старославянское название белого медведя.

не видел. Для острастки решено было ударить Самоху и кулаком. Это вызвался сделать немолодой вой, считающий, что его удар кулаком действует не хуже удара мечом или дубиной³⁵.

Все прошло, как и предполагали. Конь, «ослепнув» под шкурой, накрывшей ему голову, попытался на дыбы подняться, чуть сани не опрокинул, но его уже ухватили за повод, и заставили встать. Хорошо, что бежал он не сильно быстро. Удалось без труда остановить. Вторая шкура ведмедя должна была возницу накрыть, но когда конь останавливался, возницу сильно шатнуло вперед, и шкура над его головой дальше пролетела. Но вот кулак пролетел не далеко, и угодил в голову точно. Возница с облучка свалился в снег. Нападавшие знали, что в возке нет никого, а боярин сам не место возницы уселся. На него навалилось сразу трое, ткнули носом в снег, и руки за спину скрутили. А потом начался правеж³⁶, на котором боярин все рассказал...

* * *

– А сам боярин, стало быть, дома сидит? Или спать спокойно лег? – выслушав посланных на лед людей, спросил Гостомысл, рассматривая горку золотых монет, высыпанных на столешницу из кожаного мешочка.

– Едва ли он уснет теперь скоро, – предположил сотник Русалко. – И опасаться будет за то, что поведал «князю Буривою», и из-за денег расстроится. Он своей жадностью давно славится. Да и гонца зачем-то в Перынь послал...

– А ну, Русалко, возьми людей, и приведи этого боярина Самоху сюда, к нам. Мы с княжичем поговорим с ним глаза в глаза, – распорядился Бравлин, вытащил из-за голенища витую плетку-трехвостку, и постукивая ею по ладони, словно Самохе угрожая еще до того, как боярина привели. Гостомысл видел такие плетки у конников франков, но ни разу не видел, чтобы Бравлин подгонял коня плеткой. У Славян было не принято плеткой пользоваться.

– Подожди, не торопись, – не согласился Гостомысл, о чем-то напряженно думая, и брови при этом хмуря. – Русалко, возьми людей, и ждите приказания в нижних сенях. Мы пока с князем Бравлином обдумаем ситуацию.

Бравлин брови поднял, не понимая, что здесь следует обдумывать, когда необходимо быстро действовать. Но вслух возражать не стал.

Русалко вышел, и вывел всех семерых воев. Когда их шаги стихли внизу, на лестнице, Годослав поднялся, и прошелся к печи, потрогал рукой горячие изразцы с каким-то сложным орнаментом, потом на свое место на скамье сел. На Бравлина почему-то не смотрел. Тем не менее, спросил именно его:

– Что скажешь, княже? Как мы себя в таком положении вести должны?

– Просто. На дыбу предателя, и пусть все нам самим расскажет.

– А что нам это даст? Он нового, кроме того, что «моему отцу» рассказал, ничего не скажет, даже если мы под ним костер разведем. Он уже все сказал, хотя и не знает, кому говорил.

– Но меры какие-то принимать следует? Не войной же на Русу идти...

---

³⁵ В восьмом веке меч простого воина представлял собой, по сути дела, металлическую дубину, и имел небольшую заточку только в верхней части лезвия, чтобы рубить кольчугу. Этим мечом, кстати, невозможно было наносить колющие удары. Меч легко гнулся во время боя, и воин, отступив от сечи в сторону, наступал на него ногой, выпрямляя. Такой эпизод описан в одной из исландских саг. Острыми – и рубящими, и колющими, были только мечи знати, воевод, князей и европейских рыцарей. Для производства такого меча требовалась сталь особого состава, и стоила она немало. И стоимость эта многократно возрастала в готовом изделии – меча. Полностью особняком стояли мечи из булатной стали, попадавшие в Европу из Омейядского (Дамасского) халифата, через занятую халифатом большую часть Испании. Оттуда же, то есть, из халифата, булатные мечи попадали и в Византию, через которую шли и в восточные славянские земли. Впрочем, славяне и восточные, и западные умели изготавливать собственный булат, называемый харлугом. Только технология изготовления харлужных мечей была не такая, как в Дамаске. Слои простой стали прокладывались сталью углеродистой, все это разогревалось, перекручивалось и расковывалось. Так получалась харлужная заготовка, из которой и делался меч.

³⁶ Изначально слово «правеж» восходило к понятию «приведения к правде», то есть, к допросу, и только позже обрело облик наказания, которое должно исправить, но не убить. Этим правеж отличался от казни.

– А следует ли их принимать открыто? – спросил Гостомысл, в отличии от своего отца, всегда продумывающий свои шаги и действия.

– Не понимаю я тебя, княжич, – откровенно покачал головой князь Бравлин.

– Ты понимаешь княже, чего они хотят добиться?

– Русы?

– Посадник русов. Но, как я думаю, инициатива идет от князя Здравеня. Он сам уже начал подливать масло в огонь, хотя огня-то я лично пока и не увидел. Он тоже, мне кажется, увидеть огня не сумел, но увидеть желал. Это я по его поведению при встрече понял.

– Да, я тоже заметил. Пусть так. Пусть это будут Здравень вместе с посадником и с кучей посадских советников Русы. Я отчетливо вижу, что они пытаются стравить не только нас с тобой, но и вообще словен и вагров. Надеются на то, что мы друг друга если не истребим, то хотя бы значительно ослабим, и тогда Здравеню будет проще. Он выступит третьей стороной – это такое понятие из римского права, и покажет себя спасителем Славена. То есть, он тогда сможет объединить два княжества в одно, большое и сильное, с двумя мощными городами по двум сторонам Ильмень-моря. Планы далеко идущие. Но для начала варягам нужна маленькая война внутри самого Славена. И русы, как я понимаю, доверили стать главным в этом деле боярину Самохе. Любит, похоже, Здравень чужими руками работать. Он в этом не одинок. Много таких мужей история знала. И я считаю, что следует сразу же и жестко поставить всех его приспешников на место. Иначе потом уже может оказаться, что время мы упустили.

– Мы уже упустили время, княже, – Годослав голову не опустил, а, наоборот, поднял, и посмотрел Бравлину в глаза.

– Объясни, чего ты опасаться. Я не понимаю.

– Ты был хорошим князем для своего народа. Ты о своем народе заботился, и твой народ тебя любит. Я это одобряю, и могу только мечтать о такой поддержке своего народа.

– Ты считаешь, что твой народ не любит тебя?

– Я сомневаюсь в этом. Но я не был еще никогда князем своего народа. Народ может любить меня, как княжича, сравнивая с моим отцом, которого народ не любил, и только боялся. Батюшка Буриной жертвовал городом, забирал его богатство, и все тратил на Бьярмию, которую в итоге Войномир у него отбил. Чего ждать от сына неистового Буриной, словене не знают, хотя считают меня иным человеком, нежели был мой батюшка. Тем не менее, значительная часть моего народа мне не доверяет. И, если посадский совет не решится вручить мне символы власти, будет назначено вече, которое и должно будет назвать имя нового князя. А, согласно нашему закону, посадский совет не имеет права самостоятельно решать, кому быть князем. Меня мог бы оставить за себя умирающий отец. Это было бы законно. Но не посадский совет. Потому, думаю, волхв Вандал, когда я заезжал к нему по дороге из крепости Карела, и требовал, чтобы я торопился. Вандал – видящий человек. Ему открыто многое в прошлом и в будущем. Но я все равно не успел. И какая теперь у нас складывается картина?

– Какая картина? – не очень понял Бравлин, что объяснял ему Гостомысл.

– Посадский совет значительной своей частью будет подкуплен Здравенем и Ворошилой. Бояр подкупить – дело не сложное. Другая часть посадского совета как боялась моего батюшку князя Буриной, так же, в той же степени, не доверяет мне, ожидая, что я буду продолжать войну за Бьярмию, и вообще буду продолжателем дела отца, как вообще-то, честно говоря, и полагается сыну. То есть, две трети посадского совета выскажутся за проведение вече и общие выборы князя. Оставшаяся треть вообще не будет знать, за что выступать, и будет советоваться по своим концам и кварталам с народом. Там тоже невозможно предсказать решение советников. В итоге за меня может высказаться меньшинство. Подавляющее меньшинство. И совет предпочтет переложить ответственность со своих плеч на общие городские плечи. То есть, на решение вече.

– Ну и что с того? Вече, так вече. Это будет законным решением. Как мне говорили, кроме тебя в Славене нет ни одного достойного претендента на княжеский стол.

– Есть такой претендент! – резко не согласился княжич Гостомysl.

– Кто? – удивился князь Бравлин.

– Ты. Как ты хочешь того Здравень со своими приспешниками.

– Но я не собираюсь отнимать у тебя княжение. Я прибыл в твои земли, как проситель приюта. И народ привел с той же целью. Ты меня принял. Неужели я кажусь тебе настолько неблагодарным и подлым человеком!

– Наши законы не отодвигают на задний план чужеземцев. Если ты прибыл сюда жить, то ты уже стал своим среди словен. И твой народ прибыл с тобой. И уже вступил в городскую жизнь, начал участвовать в строительстве. Значит, твой народ и может, и будет принимать участие в вече. И он, конечно, выберет тебя. То есть, случится то, чего именно и хочет добиться князь Здравень. И какая-то часть моего народа тоже тебя поддержит уже по одной той причине, что когда-то давным-давно у нас был князь Бравлин Первый...

– Да, я знаю, что был такой князь, и он сумел объединить под своей властью славянские земли от полуночных земель до Таврии.

– Тебя могут посчитать возможным продолжателем дел Бравлина Первого. Мне уже говорили, что есть среди словен такие разговоры.

– Но я не хочу быть князем над тобой, – строго и категорично заявил Бравлин Второй. – И своему народу я могу приказать выступить на твоей стороне, как выступлю и я. Я просто откажусь от любых претензий. И все решится в твою пользу.

– Это ничего не решит, – снова опустив голову, тихо возразил княжич Гостомysl. – Кому подчиняться, решает народ. Я сам не хочу быть князем, которому народ не подчиняется. И у меня нет характера моего батюшки, который мог силой заставить себе подчиняться.

– Так что ты предлагаешь сделать?

– Я предлагаю поступить изначально так, как того желают князь Здравень и посадник Русы Ворошило. Но только изначально. Они-то надеются, что я возмущусь, что я призову полки из Бьярмии, и начну войну с тобой. Но я этого не сделаю. Я подчинюсь решению вече. Однако ты должен будешь высказать одно условие своего вхождения на княжение.

– Какое условие?

– Ты пожелаешь видеть меня посадником Славена. Хотя это уже будет, скорее всего, не Славен. Ты говорил что-то про Новый город. Новгород...

– Если ты будешь согласен. Ты, и возглавляемый тобой посадский совет.

Последняя фраза была произнесена без раздумий, и показала, что Бравлин все понимал, и сам в мыслях просчитывал эти варианты. Так состоялся устный договор о разделении власти между Годославом и Бравлином Вторым. Договор этот обещал быть крепким и нерушимым, несмотря на то, что он не записывался ни на пергаменте, ни на дощечках, ни на бересте, и не скреплялся печатями. Но два правителя настолько уважительно относились один к другому, что ни один из них даже не думал хитрить в разговоре, и держать в голове обманные мысли. Подтверждением тому стали последующие слова князя Бравлина:

– Тогда я сразу возьму в свои руки все строительство. И, извини уж меня, буду строить не так, как привыкли словене, а так, как положено строить по науке, по опыту многих городов мира. Я этот опыт изучал. А то я смотрел сегодня ваши городские валы под стенами. Такие валы вполне может смыть хорошим ливнем, растянувшимся на седмицу.

– У нас обычно не бывает таких длительных ливней. Это в Вагрии, где море рядом, такое возможно. У нас же – я не припомню такого. Моросить целую седмицу или даже три седмицы подряд порой может. Но не ливень на целую седмицу...

– Случиться может всякое.

– Я никогда не строил городов. Я даже малых крепостиц не строил. И потому полностью тебе доверяю. Делай, княже, как знаешь...

* * *

Князь с княжичем проговорили до утра. Правда, гораздо раньше отпустили отдыхать Русалко и людей, что участвовали в захвате боярина Самохи. Тем не менее, еще в утренней темноте, заслышав на лестнице тяжелые шаги, Гостомысл подошел к двери, и выглянул. Поднимался Русалко. Княжич оставил дверь приоткрытой, чтобы сотник стрельцов понял приглашение. И, когда тот вошел, князь Бравлин сразу задал вопрос:

– Есть новости?

Обычному человеку времени на сон в эту ночь не хватило бы. Отпустили сотника поздно, а он уже вернулся, и выглядел с морозца свежим и улыбочивым, каким был всегда. Бравлин и подумал, что Русалко не отдыхал, а вернулся с новостями.

– Так... Мелочи всякие...

– Говори, – предложил Гостомысл.

– Я, как только проснулся...

– А ты спал вообще-то? – удивленно переспросил Бравлин.

– Конечно, княже. Как только отпустили, я домой отправился, и спать лег. А проснулся, как обычно, в одно и то же время зимой встаю. Облачился, и к воротам отправился. А там боярин Самоха уже допрос чинит. У самого глаз синяком заплыл, не видит ничего, говорит, с лестницы в доме упал. Нога подвернулась, и скатился, о балясину стукнулся. А сам стражу спрашивает. Сначала про Буривою все пытал. Не видел ли кто его дух после смерти. Ему поддакнули, начали какие-то байки рассказывать, кто что слышал с детства. В детстве всех, должно, пугали. Я сам помню, сестра на ночь страсти рассказывала. Потом боярин начал стражу пытаться, кто сегодня ночью из города выезжал, в какое время, и кто возвращался. Ему и сказали, как я еще ночью велел, что только его дворовый человек на боярском же возке отправлялся жену навещать, через три часа вернулся. И тоже с синяком под глазом, как у боярина. Правда, сказали, что синяк у того поменьше был. Жена, наверное, ревнучая, указала, как себя вести след. Но женская рука слаба, оттого и синяк меньше. Кто ж скажет, что синяк за ночь расплывается... Потом опять же, другой дворовый человек боярина Самохи в Перынь отправлялся, и вернулся с волхвом. Через час этот волхв уехал к себе в капище. Больше за ночь никто ни в одну, ни в другую сторону через эти ворота не проезжал и не проходил. Если боярин кого-то ищет, пусть в других воротах поспрашивает. В Людином конце трое ворот вместе с воротами на мост...

– Подозревает что-то Самоха, – решил Гостомысл. – За шею свою опасается. Чувствует, что по его шее давно петля плачет...

– Я так думаю, – добавил Русалко, – что вечером по купеческим лавкам пойдет. Будет спрашивать, может, кто золотом расплачивался? У нас же золото в редкость в ходу бывает. Чаще серебром платят.

Сотник кивнул на кучку золота, что все еще лежала на столе перед князем Бравлином.

– А мы золотом русов будем русам же и платить за работу, – улыбнулся князь. – А лавок-то в Людином конце много ли?

– Шесть лавок. Основные торговые ряды были на той стороне, за Волховом. Погорели все.

– Отстроятся. На это же варяжское золото отстроятся. Золота здесь много.

– А я отправил городского стражника в Перынь, чтоб привел ко мне того волхва, что к боярину ездил. Ему этот стражник ворота открывал, лицо, говорит, запомнил. Как привезет, я попытаю его, что за надобность ночью у боярина в нем возникла.

– Лучше ко мне его пришли. Я сам спрошу. А гонцов Самоха не рассылал? – спросил Гостомысл. – Должен был членов посадского совета собирать.

– В ночь троих отослал. Еще до своей поездки, когда ночной дорогой напуган не был. С утра еще никого. Но что с рассветом будет... Наверное, тогда и пошлет. Сам темнотой уже напуган, понимает, что там какие-то призраки бродят. Только понять не может, думаю, зачем призракам золото нужно...

– Золото нужно не призракам, – заявил Гостомысл. – Золото нужно городу. На эту сумму можно пару хороших теремов построить. А Ворошила не скупится. Знать, важным это дело считает – сравить словен с ваграми.

– А много ли варяжских лавок в Славене было? – поинтересовался Бравлин.

– Много. Целых два ряда занимали. Они друг с дружкой рядом держались. Но я это прекращу. Пусть варяги в своем городе торгуют. Пусть хоть всю Русу распродают.

– Значит, прибыль хорошую в Славене имели. Как же допустили сжечь и своих, и словен?

– Воевода Славен жег, – объяснил Русалко. – Ему до Русы дела было мало. Он из Бьярмии. А теперь на Буян к Войномиру отправился. Это тот, что нам на пути сюда встретился. Там, на острове, для его тяжелой руки работы хватит. Он, говорят, и разрешения у князя Здравеня не спрашивал. Пришли его полки из Бьярмии, сразу и начал действовать. А попробуй Здравень возразить, Славен и Русу мог бы с таким же успехом перед отъездом сжечь. Он человек таких правил. Характер, как у князя Буривова...

– Кто-то жжет, кто-то строит, – рассудил Бравлин. – Так жизнь устроена.

– Но существует же в жизни и другое направление, – продолжил Гостомысл. – Кто-то строит так, чтобы невозможно было сжечь.

– Вот так мы и будем строить, – сделал вывод князь Бравлин. – Но вот ты, Русалко, скажи мне, как человек из города... Что нужно в первую очередь, чтобы город жил хорошо, и чтобы никто ему не угрожал? Полки, наверное, сильные под стенами?

– Полки тоже кормить надо, княже, – возразил молодой сотник. – И воям жен и детей нужно кормить. Наши полки в соседние земли набегов давно не устраивают, значит, за счет ремесла воев прокормить ни себя, ни жен с детьми, не смогут.

– Тогда что нужно городу?

– Чтобы торговля и ремесла развивались. Это значит, что у городской казны деньги будут, казна сможет и полки сильные содержать.

– Вот, княжич, глас из народа, – Бравлин повернулся к Гостомыслу. – А ты говоришь, что не допустишь варягов в торговые ряды. А они ведь в нашу казну деньги будут приносить. Я так думаю, что следует отдельные ряды для разных торговых людей построить. Пусть, хоть хозары с торговлей приезжают, хоть франки, хоть саксы. Чем лучше будет жить столица словен, тем сильнее будет княжество. И свои торговые обозы будем во все страны посылать. И даже оплачивать их будем, как храм Свентовита в Арконе экспедиции викингов оплачивает...

* * *

Рассвет пришел поздний, с начавшейся тягучей метелью. О предстоящей метели говорила еще ночная обильная поземка, что каждой метели предшествует. Но с рассветом метель пришла и сама, не сильная, но быстрая, стремительная, несущая мелкий колючий снежок, что безостановочно сек лица. Воздух был не холодным. Это ощущалось сразу, стоило только от ветра отвернуться. Но постоянно стоять спиной к ветру возможности не было. Словене вместе с ваграми начали работу еще затемно. Словенский обычай использовать вместо лошадей лосей сначала вагров сильно удивил, поскольку для них лось представлял только объект охоты, но они быстро к этому привыкли, и уже не удивлялись, даже видя верховых лосей в боевом строю словен. Некоторые из воев-вагров даже просили воев-словен обучить их езде на лосе, и

с интересом слушали рассказы о том, как лось ведет себя в сече, как сам становится воем, и ударами передних копыт пробивает вражеский строй лучше любого копья, а широкими рогами порой защищает от того же копья противника, от меча и от стрелы. Потому боевые лоси и подбирались с самыми большими рогами.

Воями по-прежнему распоряжался Первонег, но, чтобы отправить дополнительно воев-вагров на работы в лес, Первонег спросил разрешения князя Бравлина. Князь думал не долго.

– Со стороны русов неприятностей ждать пока не приходится?

– Пока тишина. Тот полк, что приходил для захвата Славена, частично ушел со Славеном на Буян, частично вернулся в Бьярмию. Городская дружина и слаба, и возрастом стара – стены оборонить сможет, но не в набег пойти. А мелкие дружины варягов, что обозы защищают, в один полк не собраны. Но я на всякий случай посты наблюдения выставил. Если что, прямком по льду прискачут, сообщат.

– Ну, тогда бери воев, сколько надо, пусть больше бревен запасают. Их ближе к весне много понадобится. Много больше, чем сейчас...

Глава четвертая

Князь Войномир слегка задержался в Рароге, ожидая прибытия своего выписанного полка. Но, когда пришли вести от разведчиков из Дании, и эти вести поторопили князя-воеводу, Войномир не стал дожидаться прибытия Славера, отправив ему встречного гонца с распоряжением следовать на Руян, и сам отправился туда же с князем-воеводой Дражко в сопровождении только малой дружины, состоящей из полусотни стрельцов и полусотни конных воев. Отобранные у бояр дружины князь-воевода Дражко отправил в сторону границы под командование воеводы Полкана. Сам пообещал прибыть туда же вскоре, сразу после посещения Руяна. Возможно, с дополнительной дружиной, которую сумеет набрать среди руянских викингов.

На начало пути погода выпала солнечная и сухая. Иногда даже казалось, что в воздухе начинает пахнуть весной, хотя, по большому счету, зима только недавно началась, и весны еще предстояло ждать долго. Но уже после преодоления половины дороги отряд двух князей с ними во главе въехал в такой густой туман, что рассмотреть что-то впереди можно было только на половину полета стрелы обычного, не стрелецкого лука. Иногда туман приносил звуки со стороны, причем, казалось, что звуки эти раздаются совсем рядом. Сначала послышался разговор мужчины и женщины. Слов разобрать было невозможно, но звуки слышались так же отчетливо, как чавканье грязи под копытами лошади. Небольшой отряд минувшим днем ехал по сухой дороге, и не попал под дождь. Здесь же, когда въехали в туман, дорога оказалась сильно размытой. Дождь, видимо, прошел интенсивный, настоящий ливень. Ни князя-воеводу Дражко, ни, тем более, князя Войномира, не интересовало, кто там едет впереди, не интересовало даже, в какую сторону едут мужчина и женщина. Но оба хорошо знали, как далеко в тумане разнятся даже негромкие звуки, и потому не удивились, что только через несколько часов конники догнали телегу смердов, в которой сидели мужчина и женщина. Смерды, услышав позади себя всадников, быстро спрыгнули на землю, отошли в жухлую сырую траву, достающую им до колен, и потянули в сторону вожжи лошади. Мужчина снял в голову шапку, и оба путника поклонились проезжающей мимо колонне. И не поднимали глаз, пока колонна не въехала в ближайший лес, растворяющийся в тумане. Только после этого смерд натянул на голову шапку, посмотрел в глаза женщине, и довольно улыбнулся.

– Они и есть... Я Дражко по усам узнал. Таких усов больше во всем княжестве ни у кого не сыщешь. Пospешим, а то нам ничего не достанется... А у меня руки по мечу соскучились. Подраться хочется... – он приложил обе руки ко рту рупором, и прокричал в туман ухающим филином. Звук, состоящий из двух слогов, полетел далеко. Приближался вечер, скоро должно было начать темнеть. Время как раз встало такое, когда филин вылетает на привычную ему ночную охоту. И этот крик никого удивить не должен был бы. Да филин всегда может вздумать и днем что-то прокричать. Это значило бы, что его кто-то побеспокоил. Или просто ворону увидел в небе. Ворон ест из всех хищников только один филин. Другим воронье мясо не нравится.

Через короткий промежуток времени ответный крик филина прилетел, словно прискакал по дороге, из глубины тумана. Точно такой же двухсложный. И тут же, откуда-то из тумана на первый крик филина, прямоком через грязное и раскисшее поле, выехала целая сотня воев, возглавляемых человеком, носящим поверх доспеха медвежью шкуру, и защищающим голову рогатым скандинавским шлемом.

– Сколько их? – уважительно спросил предводитель смерда.

– Как и должно было быть – два князя в сопровождении сотни воев, – за мужчину ответила женщина, выпрямила согбенную спину, и сразу перестала быть женой смерда, превратившись в молодую, и, несомненно, знатную женщину, чья участь – повелевать. Женщина эта шагнула к телеге, отбросила ворох соломы, вытащила из-под него тонкую легкую, но длинную,

как платью, кольчугу, и тут же натянула на себя, прямо на платье, тогда как вои обычно одевают кольчугу на рубаху из тонкого войлока. Но женщина спешила, и в телеге, видимо, не было войлочной рубахи. Из телеги же на свет появился остроконечный славянский шлем, за шлемом довольно легкий для мечного боя меч в богатых ножнах, пригодный, разве что, пеших разить, когда те убегают, и круглый щит без умбона³⁷, какими пользуются даны, свеи и норвеги. Поверх кольчуги женщина набросила на плечи распашной широкий плащ черного цвета. Ткань плаща была легкая, и колыхалась при каждом ее движении. А вот щит, что она достала из той же телеги, показался слишком тяжелым для женской руки. Из конного строя сотни привели красивого тонконового белого коня, и женщина, сначала подвесив к луке седла тяжелый щит, легко запрыгнула в седло, несмотря на тяжесть доспеха. Ее кольчуга не смыкалась спереди снизу на три вершка, и позволяла сидеть в седле без помех, но за счет своей длины хорошо при этом прикрывала ноги. Конная сотня быстро выстроилась в походный порядок за ее спиной. Из-под шлема женщины свисали длинные черные волосы. Перед тем, как тронуть пятками коня, она оглянулась. Ее спутник, недавний смерд, тоже уже облачился в доспехи, достав их из той же телеги, и взбирался на второго коня, приведенного из глубины строя сотни. Одна половина лица мужчины была красной от старого ожога. Женщина поскакала первой, и волосы ее развевались на ветру. Телегу, в которую была впряжена жалкая усталая от жизни и работы смердовская кляча, так и бросили на дороге. Но тут где-то далеко в лесу завыл волк. Лошадь испугалась этого воя, и побежала вслед за сотней так быстро, что это вызвало бы удивление у любого постороннего наблюдателя. Трудно было ждать от клячи такой прыти. Телега при этом подпрыгивала на грязной дороге тек, словно лошадь скакала по сухим ухабам. Лошадь, несмотря на усталость от постоянной работы и изношенное этой работой тело, все равно просто хотела жить, и убегала от волчьего воя, надеясь, что люди спасут ее. Лошади всегда любят людей, доверяют им и на них надеются...

* * *

– Ты, княже, охотник? – спросил Войномир, зачем-то пошевеливая плечами, словно разминая их, и пробуя, не потерялась ли в руках сила.

– Я – воин и воевода княжества! – спокойно, без какой-то особой гордости, хотя и с достоинством ответил Дражко, и шевельнул усами, как ворон взмахивает крылом. Его спутнику даже показалось, что легкий ветерок от этого пошел. – Обычно у меня не хватает времени на охоту. Одни заботы сменяются другими, и так круглый год. Врагов много – враги со всех сторон. Об охоте уже и думать некогда. Если только Годослав позовет, тогда я, как послушный воле князя придворный, еду. А сам не трачу времени на такие пустяковые занятия. И вообще, я не люблю убивать, как ни странно это может прозвучать из моих уст. Как правило, мне не верят, когда я так говорю, но я не кровожадный, поверь мне, мой юный друг.

– Тем не менее, лесные звуки ты слушать умеешь?

– Слушаю. Правда, я не очень в них разбираюсь. Знаю, как кричит во время охоты Гайана – это, если ты помнишь, любимая кошка твоего дядюшки Годослава. И вот это знаю, – князь-воевода мотнул усами в сторону леса, словно пальцем показал. Издалека доносился одиночный вой волка. – А во всем остальном могу напутать, и не отличу хрюканья вепря от рева медведя.

– А есть в твоей сотне хорошие охотники?

– Есть у меня один стрелец, он в лесу вырос, сын охотника...

---

³⁷ Умбон – металлическая пластина, часто выпуклая, расположена в центре щита, где крепят защитные доски. В скандинавских щитах умбон использовался редко. Там защитные доски проходили от одного края до другого, и закреплялись стальными полосами. В более поздние времена на умбоне сначала изображался герб рыцаря, потом, когда щиты стали меньше по размеру, и иными по форме, герб просто рисовался на щите, а умбон вообще не ставился.

Дражко обернулся и позвал:

– Квашня!

Молодой стрелец из второго ряда вывернул из общего строя, и догнал князя-воеводу.

– Слушаю, княже.

Дражко усом показал на князя Войномира, но Войномир и сам уже повернулся к высокому молодому стрельцу, не по годам хмурому.

– Ты, говорят, охотник?

– Я только сын охотника, княже. Батюшка мой – настоящий охотник, чем и живет. Я и половины не знаю того, что знает он.

– Тем не менее, слышал, как филины перекликались?

– Слышал... Я, княже, только начал говорить десятнику, когда меня князь-воевода позвал. Это не филины. Один, первый, что позади нас кричал, похож. Хорошо кто-то подражает или филин раненый, такое тоже бывает. А вот второй не правильно кричит.

– Чем неправильно? – спросил князь-воевода.

– У филина крик обычно из двух слогов. Как человеческое слово бывает. Например: «Ба-ба». И всегда ударение на первом слоге. Иначе филин не умеет. А вот, например, франки обычно говорят не так. У них всегда ударение на последнем слоге. Филин в природе своей так кричать не может. У него просто не бывает долгого дыхания, и потому он ударение делает на первом слоге, а второй только договаривает. Докрикивает...

– А хохочет он когда? – проверяя знания охотника, спросил князь Войномир.

– Только, когда пугается... Часто-часто хохочет... Там с испуга дыхания хватает.

– Правильно. Знаешь ты, как филин кричит, – согласился Войномир, и посмотрел на Дражко. Но тот уже отдавал команду. Вся сотня тут же повернула коней, и скралась среди кустов и деревьев густого девственного леса, окружающего дорогу с двух сторон. Два князя, переглянувшись, и понимая друг друга без слов, углубились в лес последними.

И маневр был выполнен вовремя. Только-только Войномир с Дражко сами скрылись среди деревьев, как раздалось характерное шелестение металла. Так шелестят только кольчуги конного войска. Оба князя знали это прекрасно.

– Впереди засада, – понял Войномир. – И сзади ударить хотят. Потому пока едут неторопливо. Видели нашу скорость, ее и придерживаются.

Дражко согласно кивнул.

Преследователи показались вскоре. Впереди сотни конного войска скакала женщина не тонконогом белом коне. Мужчины тоже носили порой длинные волосы, но тонкий стан и узкие плечи и даже манера держаться в седле показывали, что это женщина. Густой туман не давал возможности рассмотреть ее лицо, но это было не столь важно для двух князей. Оба, опытные воины, понимали, что произойдет дальше. Эта сотня в тумане будет воспринята засадой, как сотня сопровождения Дражко и Войномира. И будет, вероятно, расстреляна из засады стрельцами. Стрельцы не пожелают допустить сотню до сечи, где у конников будет преимущество копейного удара, и постараются перебить всех.

Князь-воевода дал негромкую команду. Отдавать громкую команду в тумане он не хотел. Тем не менее, ближние передали так же тихо команду дальним. Те, в свою очередь, еще более дальним. И так услышана она была всеми. И вои-бодричи, из-за невозможности выдерживать строй в лесной чащобе, двинулись вразнобой вдоль дороге прямо через лес. Но как раньше на дороге, так и теперь, впереди двинулись стрельцы, приготовившие луки к бою, и наложившие на тетиву стрелу, а еще четыре стрелы зажимали между пальцами левой руки. Раньше бодричи умели стрелять подряд четырьмя стрелами, но недавний приезд княжича Гостомысла с сотней своих стрельцов показал, что можно готовить сразу пять стрел. Сотник стрельцов-словен Русалко сам показывал стрельцам-бодричам, как удерживать стрелы. Сначала это казалось неудобным, пятая стрела многим мешала. Но постепенно стрелять так научились все. А если

полусотня выпустит по лишней стреле в противника, не дав ему времени опомниться, это на полусотню сократит количество врагов, поскольку стрельцы-бодричи обычно стрелы берегут, и не любят пускать их неприцельно, просто в толпу. Они обычно выбирают кого-то конкретного, в кого стрела и попадает. Конечно, часто случается и так, что сразу два стрельца стреляют в одного и того же врага. Тем не менее, урон, нанесенный стрельбой с пятью стрелами, всегда эффективнее простой стрельбы, с привычными четырьмя стрелами, не говоря уже о том, чтобы стрелять, поочередно вытаскивая из тула³⁸ по одной стреле. Полусотня конников ехала, раздвигая ветви копьями, сразу за стрельцами, готовая послать при необходимости коней вперед. Обычно стрельцы, отстрелявшись, по команде расступались, и тогда в дело вступала конница. Но часто стрельцы просто не оставляли работы коннице, потому что у славян не было обычая довивать копьями лежачих раненых. И конница оставалась рядом с теми, кто боем командует.

Громкие крики и ржание коней впереди слышались явственно. Но туман не давал возможности точно определить расстояние до места, где сотня преследование нарвалась на свою же засаду. Тем не менее, князь Войномир, не вынимая мечей из ножен, а носил он на поясе два меча, чтобы драться ими сразу с двух рук, посмотрел на старшего по возрасту и по опыту князя-воеводу с немым вопросом во взгляде. Дражко согласно кивнул. Оба понимали, что нападавших следует добивать, чтобы не ждать потом следующего нападения.

– На дорогу! Быстро! – крикнул князь Войномир.

Теперь уже можно было отдавать громкую команду, потому что там, впереди, в суматохе и неразберихе, в звоне оружия, никто не будет прислушиваться к звукам у себя за спиной.

Две полусотни без проблем выполнили команду молодого военачальника. Передвигаться даже по грязной дороге было гораздо удобнее и быстрее, чем напрямик через лес, где всегда рискуешь сломать лбом ветку дерева, или веткой дерева расколоть себе лоб.

– Вперед! – эта команда, по большому счету, была уже лишней, потому что сотня сопровождения и без того сразу устремилась на шум и крики. И на ходу стрельцы разворачивались в боевой строй. Однако этот боевой строй был ограничен шириной дороги и двусторонней близостью леса. Тем не менее, полтора десятка стрельцов развернулось в шеренгу. Остальные могли стрелять через плечи первых или дожидаться, когда первые отстреляются, и спешатся, как было принято в такой обстановке, и предоставят последующим рядам обзор.

События начали развиваться стремительно, когда впереди показался просвет. Или просто лес кончался, или посреди него находилась большая поляна. И с этой поляны на дорогу стремительно скакало не менее восьми десятков воев. Стрельцы-бодричи скорости передвижения не сбросили, но на ходу послали по две-три стрелы. И только после этого вынуждены были слегка натянуть поводья коней, чтобы не пришлось стрелять в упор. Серия новых выстрелов была более общей, потому что к первой шеренге присоединились стрельцы, что скакали следом. Этим пришлось даже на стременах приподниматься, чтобы хорошо прицелиться. Но для стрельбы навесом расстояния было слишком мало, стрелять приходилось на прямом прицеливании. В результате, князь-воевода Дражко и князь Войномир успели только переглянуться, как все было кончено, и до боевого строя бодричей доскакало только несколько коней, лишившихся всадников. Коней, конечно, поймали. Среди других был и белый конь, на котором вела своих людей в преследование за бодричами женщина. Этого коня поймал и забрал себе князь Войномир.

Князь Дражко имел много коней в собственной конюшне, к тому же, к его услугам всегда была конюшня князя Годослава, и потому воевода не пожелал ловить себе боевой трофей.

---

³⁸ Тул – круглый футляр для стрел. На Руси колчан, вопреки мнению художников, рисующих богатырей, появился только в XVI веке. До этого использовались тулы, сделанные из бересты или из кожи. В обыкновенном походном туле содержалось около двадцати стрел. В большом походном, который крепился к седлу лошади, более пятидесяти, в осадном, который ставили на стенах, до двухсот стрел.

Он просто проехал вперед, желая посмотреть на убитых врагов. Но, услышав какие-то крики впереди, хорошо доносимые туманом, жестом послал полусотню стрельцов вперед.

– С опушки посмотрите... Если засада вышла, перебейте их. Если еще прячутся, стреляйте по кустам, где они могут сидеть. Выбейте их оттуда.

При этом воевода опирался на понятие о том, что стрельцы со сложным славянским луком могут быть только в рядах его отряда, а у противника таких луков быть не может.

Стрельцы тут же двинулись дальше. А князь-воевода остановил коня, рассматривая убитого врага, лежащего на спине, раскинув руки в разные стороны. Князь Войномир подъехал к нему, одновременно привязывая повод белого коня к задней луке седла.

– Что, князь-воевода, знакомого нашел?

– Представь, что лицо это мне знакомо. Этот ожог на лице я где-то видел. Только не могу вспомнить, где я такого человека встречал. Шлем на нем данский, рогатый. Кольчуга славянская. Меч, похоже, франкский. Вот и пойми после этого, что за человек!

Войномир посмотрел на убитого. Это был высокий мужчина, немолодой, с грубым злым лицом, изуродованным большим шрамом от ожога. Сейчас из его глазницы торчала стрела. А это уже значило, что вой никогда уже не сядет в седло, и ему не понадобится его меч.

– Чем меч франков отличается от обычного? – только и спросил Войномир.

– Они часто перед схваткой втыкают меч в землю, и на него молятся. И для этого делают на рукоятке фигурку своего распятого на кресте Бога. Я не понимаю, что это за Бог, которого можно было людям распять. Но это не моего ума дело. Мне бы сейчас хоть одного раненого найти, чтобы допросить. Славата!

На зов подъехал десятник дружинников Славата.

– Поищи раненых. Не всех же, думаю, поубивали. Допросить надо. Что это за люди безголовые, откуда взялись на собственную смерть. Кто послал против нас. Кто посмел! Будут говорить, конечно, что просто хотели кого-то на дороге пограбить, разбойниками прикинутся. Не верь. Допытай до истины. Пообещай милость – сразу после допроса разговорчивого добить...

Десятник согласно кивнул, бросил несколько слов своим воям, и они разъехались по дороге. Конечно, среди тех, кто был убит на ближней дистанции, искать раненых не приходилось, но осмотреть требовалось всех. Однако многих стрелы пробили насквозь, вместе с доспехом, даже если стальная броня была навешена на кольчугу. Но после первых выстрелов, когда противник был чуть подальше, могли бы и раненые остаться. Все зависело от того, куда прицеливались стрельцы, и насколько быстро скакали цели. И потому десятник со своим десятком, никого живых не обнаружив среди ближних, скоро ушел в туман, который стал еще гуще, и оказался, видимо, поблизости от своих же стрельцов, которые, судя по звукам, продолжали стрелять. Звук славянского сложного лука трудно было спутать с другим звуком. Тетива после того, как с нее срывалась стрела, громко и звонко бьет по костяным пластинам, специально одеваемым на кисть левой руки, чтобы от этого удара спасти. Не будь этой пластины, стрелец после нескольких же выстрелов уже остался бы одноруким³⁹. В тумане этот звук слышался особенно громко. Но по этому же звуку славянские стрельцы обычно определяли своих же, что помогало избежать недоразумения. А какое-то недоразумение произошло, видимо, и здесь, на дороге к Руяну. Сначала к остальной конной полусотне вернулся десяток воев Славата. Сообщил:

– Наши стрельцы отходят. Сделали нам знак, чтобы в лес шли.

– Как так – отходят? – не понял князь Войномир.

---

³⁹ Сила натяжения сложного славянского лука была около девяносто килограммов. При необходимости, чтобы избежать этого громкого звука, на костяную пластину порой накладывалась толстая ткань в несколько слоев, а под ткань подкладывался мягкий мох, и удар смягчающий, и звук гасящий. Иногда с этой же целью использовалась войлочная рукавица с вшитой в нее костяной или деревянной пластиной. Но рукавица обычно не позволяла использовать при стрельбе заготовку из нескольких стрел, и потому использовалась редко, преимущественно, разведчиками.

Но князь-воевода Дражко, хорошо знающий, как сложно бывает выбить стрельцов-бодричей с позиции, остановил Войномира, готового уже вперед поскакать, и сам прислушался. Кто-то приближался в тумане. Но пока еще разобрать кто там, было невозможно, настолько густ был этот туман. Но и минуты не прошло, как из тумана вырвался десятник стрельцов Светичест, что командовал полусотней. Десятник едва держался в седле, и его поддерживал стрелец Квашня, что так хорошо разбирался в голосах птиц.

– В лес, княже. В лес... Там лук преимущество потеряет...

Светичест сказал фразу, и упал на шею своего коня. Дражко сразу заметил, что лук десятника находится в руке у Квашни, а левое плечо Светичеста залито кровью.

– В лес! – дал команду Дражко.

– Не спеши, княже, – сделал Войномир знак рукой, и повернулся к стрельцу Квашне. – Что там случилось?

– В засаде не меньше двух сотен стрельцов. У нас пол десятка убитых, много раненых.

– Какие стрельцы? – удивился Дражко. – Откуда здесь стрельцам взяться? Может, простые лучники?

Десятник проявил силу воли, приподнял голову над шеей лошади, и показал князю-воеводе стрелу. Стрела была длинная. Такими только из сложного славянского лука стреляют.

– Они что, преследуют? – спросил князь Войномир.

– Пошли на нас из тумана. Тучи стрел обрушили. Мне плечо пробило, – объяснил десятник.

Стрельцы-бодричи один за другим выезжали из тумана, но, даже находясь рядом с князьями, постоянно оборачивались, готовые стрелять за спину. Однако оттуда не доносилось ударов тетивы в защитные щитки. Да и стрелы на дорогу не летели. В засаде посчитали, что противник в лес ушел. Стрелять вслепую никто не стал – берегли стрелы.

– Где же они? – Дражко, забыв, что только что хотел увести всех в лес, выхватил меч, словно готов был в атаку ринуться. Конные вои за его спиной сомкнули края щитов, и опустили копья, готовые последовать за Дражко.

– Тумана, княже, кажется, испугались. Бояться сами в засаду попасть, – предположил один из стрельцов.

– Там ничего не видно, но мне показалось, они среди убитых кого-то искали. Там, на поляне. Если нашли, могли и отойти, – добавил другой. – Но почти ничего не видно. Только ветер иногда налетит, тогда хоть что-то промелькнет, но быстро. Только стрелу успеваешь пустить, и все. Но я не видел, чтобы они дальше продвигались. Только оттуда отстреливались. Но стрельцов у них много. Слышно было, как стреляют...

– Нужно посмотреть, – сказал стрелец Квашня. – Пока туман густой, я могу съездить.

– Застрелят... – подняв голову, предупредил десятник Светичест.

– У меня на носу факелом не написано, кто я... – усмехнулся Квашня, наклонился, поднял с земли рогатый скандинавский шлем, и надел его на голову, взамен своего остроконечного. – А так вообще не поймут. Свои бы за рогатый шлем по возвращению не пристрелили! А там... Я в туман нырну сразу, как кого услышу. Ускользну, как змея...

– Попробуй, – предложил Дражко. – Мы в лесу будем ждать. Там... – он показал рукой.

И это послужило словно приказом. Все вои и стрельцы княжеского сопровождения двинулись в сторону леса. А стрелец Квашня резко развернулся, одновременно засовывая лук в налучье, и погнал коня в туман...

Ждали его долго. Уже думали, что сгинул в разведке, как это, порой, бывает, и не вернется, когда послышалось чавканье копыт по грязи. Туман по-прежнему хорошо разносил все звуки. Потом чавканье прекратилось – копыта лошади перестали месить грязь, и вошли в высокую траву. А еще через несколько мгновений сам верховой стрелец вынырнул из тумана среди деревьев. Он чуть-чуть ошибся направлением, и вышел не на двух князей, а на верховых воев

отряда сопровождения, но те быстро показали, где ждут разведчика князи. И Квашня подъехал к ним сбоку, сбросил рогатый шлем прямо в траву так, что один рог, покрашенный краской под цвет свежей крови, в грязи увяз, и водрузил на голову свой шлем, до этого подвешенный за ремешок к луке седла.

– Да, правильно десятник сказал. Они кого-то там искали среди убитых, унесли, и сами уехали. Даже раненых забирать не стали. Только одного человека. Тело человека. Сами друг с другом ругались, я слышал. Я близко подобрался. Разговаривают по-славянски, но с акцентом. Акцент непонятный. Не знаю, кто такие. Не понял. Коня я в лесу оставил, пешим в тумане легче незамеченным остаться. Потом слышу, двое прямо на меня скачут. Я лег лицом вниз. Они подъехали, видят на голове шлем рогатый, на рукаве кровь – это я кровью десятника Светичеста испачкался, объехали по кругу, видят, я не шевелюсь, и назад поехали. На каком языке эти говорили, я не знаю. Я вообще только по-славянски говорю, и данский язык слегка понимаю. Уехали они, их уже звали со стороны, торопили. Все уехали. Я прошелся потом по поляне, посмотрел кусты, в которых они засаду выставляли. Но дальше уже не пошел. В тумане они мои шаги слышать могли.

– Значит, не даны? – утвердительно спросил князь-воевода. – Точно?

– Точно.

– Гора с плеч! Я уж боялся, что герцог Сигурд нашествие начал. Только не понимал, откуда у него так много наших стрельцов. Так, кто же мог на нас засаду устроить? Новая задача!

– Не могу, княже, сказать. Но это не даны. И не франки. Одеты не так. Порядка нет. Двигутся не ровной колонной, а вразнобой, хотя чуть-чуть колонну составить хотят.

– Порядка нет, но засаду организовали по всем правилам, – между делом заметил Войномир. – Ладно, мы вовремя хватились, филина услышав. А то полегли бы все там, на поляне, и никто нам помочь не сумел бы.

– А где ты, Квашня, мог франков видеть? – с легким удивлением в голосе спросил князь-воевода Дращко.

– Я, княже, с тобой в поход в Баварию ходил. Иль забыл? Ты мне сам там гривну⁴⁰ на шею подарил. После боя с аварами...

– Про гривну сказал, вспомнил сразу. Я тогда еще подумывал тебя десятником поставить, несмотря на молодость. Думал подобрать тебе в подчинение таких же молодых стрельцов. Но теперь, как вернемся, я уж точно тебя не забуду. А если оставлю тебя с князем Войномиром, он мой наказ выполнит.

Молодой стрелец благодарно склонил голову.

– Говоришь раненых подбирать не стали. Много ли раненых?

– Мало. Несколько человек. Все тяжелые. Не выживут. Может, кто легко ранен был, того и забрали, рассмотреть в тумане было нельзя, а тяжелых оставили. Одного, как я видел, добились. И копьё в животе у него оставили. У него и без того в груди стрела торчала. Он кричал что-то, потому, думаю, и добились.

– Еще последний вопрос. Раненых допросить можно? Соображают еще что-то?

– Едва ли. Только глазами шевелят, смотрят в небо сквозь туман, Семаргла⁴¹ ждут. Ничего не скажут...

---

⁴⁰ Гривна на шею – женщинами-славянками носилась, как украшение или как наговоренный оберег, как магическая защита, мужчинами, как награда за воинскую или иную службу. Этот обычай – награждать гривной воинов – был введен в Древнем Риме. Гривна известна у многих народов Европы и Ближнего Востока. Различались гривны на шею, и в виде браслета. Только позже гривна стала денежной единицей.

⁴¹ Семаргл – в верованиях славян, Огнебог, глава небесного воинства, являлся в образе дракона или крылатого волка, уносил души погибших в бою воинов. Сопоставим с индуистским Агни. По Б.А. Рыбакову – покровитель семян и корней, охранитель растительности. Иногда отождествляется с древнеиранским Симургом. Во времена правления династии Сасанидов в III–VII веках Симург был государственной эмблемой Ирана. Точное значение культа Семаргла до сих пор не известно. Иногда даже само название божества писалось по-разному, в том числе, и в два слова – Сим и Регл. Возможно, эти слова заимствованы

– Ладно, поезжай в строй...

Квашня еще раз поклонился одной головой, и отъехал...

* * *

Князь-воевода Дражко, хотя лучше многих знал убойную силу стрел, выпущенных из сложного славянского лука, тем не менее, понадеявшись на случайность, решил попытать счастья, и поискать среди раненых того, кто сможет ответить хотя бы на один из многих интересующих его вопросов.

Оставив два десятка стрельцов и десяток воев похоронить в большом общем костре погибших товарищей, Дражко с полусотней конников и остальными стрельцами выехал на поляну. Вои выслушали команду князя-воеводы, и разъехались в разные стороны – искали раненых. Князя-воеводу подзывали шесть раз. Он подъезжал на зов вместе с князем Войномиром, но ни разу князьям не удалось услышать ответ. Четверо из раненых вообще не могли говорить, и даже не видели тех, кто их о чем-то спрашивал. Глаза их были открыты, но никого не видели. Еще один говорить, наверное, смог бы, но он не понимал ни одного языка, на которых с ним пытались говорить. И только последний из раненых, как князь-воевода догадался по его взгляду, славянский язык знал, но смотрел с такой ненавистью и на Дражко, и на Войномира, и на других воев-бодричей, словно они дергали за стрелу, торчащую у него в животе, и шевелили наконечником стрелы внутренности. И ни слова сказать не пожелал. Сам он был, скорее всего, не славянином, хотя за это ручаться тоже было сложно. Шлем на голове такой, какие часто носили саксы, еще ничего не говорил. Меч вой где-то потерял. Должно быть, выронил на скаку, когда получил в живот стрелу. Тогда же, скорее всего, и щит обронил, не имея силы держать такую тяжесть. А ножны меча были простыми деревянными, какими пользуются и славяне, и все их близкие и дальние соседи. И даже никак не изузорены, не обшиты тканью, и имели только простую медную окантовку в виде поперечных полос.

– Толку никакого. Едем дальше, – решил князь-воевода, когда к нему приблизились стрельцы, занятые до этого сооружением погребального костра. Устраивать такой же костер для убитых врагов Дражко был не намерен. Их, в основном, перебили свои же из сильной засады. Они же костер устраивать не пожелали. Пусть духи погибших со своими и разбираются.

Отряд сопровождения выстроился в привычную колонну. Войномир распорядился выслать вперед разведку из пяти стрельцов и пяти конников. Предосторожность теперь не выглядела излишней, и Дражко не возразил, хотя привык к тому, что он распоряжается действиями подчиненных ему воев обычно сам. Но и князь Войномир был не простой человек, он тоже имел право распоряжаться, и Дражко с этим был согласен. До полабского поселения Штржелово⁴²

славянами от культуры Киммерийского Боспора. Сим и Регл известны по древнегреческой надписи в могильнике Понтийской царицы Комоссарии (II или III век до Р.Х.), раскопанной в Тмутаракани на Таманском полуострове. Иногда Семаргла трактуют, как Семи Ярило – имеется ввиду семиголовый истукан языческого бога Ярилы.

⁴² Штржелово – полабское название, впоследствии немецкий город Штральзунд, расположенный на берегу пролива Штрелазунд, называемый «воротами острова Рюген», ныне входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.